



ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА **СПРАВЕДЛИВЫЙ МИР**

Выпуск **5**

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Материалы международной конференции
Москва, 2 октября 2008 года

МОСКВА 2008

Ответственный редактор
В. Н. Шевченко

Информационные войны в современном мире : материалы международной конференции, Москва, 2 октября 2008 года. — М. : Ключ-С, 2008. — 96 с. — (Библиотека института «Справедливый мир» ; вып. 5).

В сборнике публикуются выступления участников международной конференции «Информационные войны в современном мире», которая состоялась в Москве 2 октября 2008 года по инициативе института «Справедливый мир».

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово С.М. Миронова	4
--	----------

В работе международной конференции приняли участие:

Кьезо Дж. (Италия)	10
Нарочницкая Н.А.	13
Пушков А.К.	17
Кемпбелл А. (Великобритания)	21
Матанович Д. (Сербия)	26
Ципко А.С.	29
Габрелянов А.А.	32
Уткин А.И.	35
Панарин И.Н.	39
Федотова В.Г.	45
Левин Л.Л.	49
Навоян Ю. (Армения)	53
Тарло С.Ф.	54
Адилова Л.Ф.	57
Шулин С. (Украина)	63
Бухарин С.Н.	66
Пилипенко Ю.В.	71
Манойло А.В.	73
Завьялов О.Ю.	90

Заключительное слово С.М. Миронова	95
---	-----------

ЛЕВИЧЕВ Н.В. — ведущий

Уважаемые коллеги, добрый день! Предлагаю начать нашу работу. Так получилось, что меня попросили быть модератором на этом первом публичном мероприятии, которое проводит институт «Справедливый мир». Надеюсь, что этот зал института на многие месяцы, а, может быть, и годы станет одной из интенсивных публичных площадок для проведения разнообразных встреч. Сегодня мы собрались здесь на международную конференцию, посвященную теме информационных войн в современном мире. Разрешите предоставить слово Сергею Михайловичу Миронову, Председателю Совета Федерации, Председателю партии «Справедливая Россия» и Президенту института «Справедливый мир».

МИРОНОВ С.М.

Уважаемые коллеги, надеюсь, институт «Справедливый мир» станет действительно на годы хорошей площадкой для обсуждения различных идей и выработки конструктивных решений. Причем, хотел бы особо подчеркнуть, что в нашем институте будут приветствоваться самые разные точки зрения. Но мы для того и собираемся, чтобы в хорошем смысле слова поспорить и поразмыслить над теми проблемами, которые всех нас волнуют.

Приветствую участников нашего круглого стола, посвященного проблеме информационных войн. Сегодняшней нашей встречей мы начинаем целую серию круглых столов, которые намерен организовать институт «Справедливый мир» с целью обсуждения наиболее острых проблем современности. Что касается сегодняшней темы, и я уверен, вы согласитесь со мной, она очень и очень злободневна. Военный конфликт на Кавказе и последующие события продемонстрировали, что мир нахо-

дится на пороге кардинальных изменений. Требуются принципиально новые подходы и методы разрешения кризисов. В этой связи хотел бы обратить ваше внимание на инициативу президента Дмитрия Медведева, который говорил о необходимости формирования того, что сейчас с легкой руки журналистов называется «Хельсинки-2». Речь идет о новом всеобъемлющем соглашении по обеспечению безопасности на европейском континенте, предпосылок к такому шагу, конечно, более чем достаточно. Постоянно возникают новые кризисы и вместе с ними информационные конфликты, информационные войны, при этом используются и все более новые методики и приемы. Поэтому обеспечение информационной безопасности граждан, противодействие информационно-психологическому давлению и шантажу приобретает особое значение. Обсуждению всех этих и других вопросов и посвящается наша сегодняшняя встреча.

В своем вступительном слове мне хотелось бы кратко остановиться на тех проявлениях информационных конфликтов, которые затрагивают каждого человека без исключения на нашей планете. В нашу повседневную жизнь понятие «информационная война» вошло в конце прошлого века. Именно тогда начинается открытое обсуждение вопросов стратегии и технологий воздействия на реального и потенциального противника посредством информационного давления на него. Появились методы направленного влияния на общественное мнение, приемы психологической обработки лиц, ответственных за принятие управленческих решений. Но нужно помнить, что расцвет технологий информационной войны на Западе пришелся на завершающую стадию холодной войны. Классическим примером может служить этап «гонки вооружений», который был спровоцирован грандиозной и искусной дезинформацией. В результате были развернуты масштабные и высокзатратные военные исследования, подорвавшие не только советскую, но и всю мировую экономику. К сожалению, существовавшая на тот момент в СССР идеологическая монополия порождала фаталь-

ные управленческие ошибки, в том числе и недооценку информационного противостояния. По сути, информационная компонента международных конфликтов в полной мере была включена в число вопросов государственного значения лишь после подписания в сентябре 2000 года Президентом России Владимиром Путиным «Доктрины информационной безопасности Российской Федерации».

Информационное поле вооруженных конфликтов сегодня разрабатывается не менее старательно, чем операция на поле брани. Если еще не так давно война влияла на журналистику, то сейчас наблюдается обратное: журналисты стали фактически третьей стороной любых конфликтов, любых вооруженных столкновений. От того, что пишут в газетах, показывают по телевидению и в Интернете, в значительной мере зависит оценка событий мировым сообществом, а ее результатом становятся судьбоносные политические решения для конкретных стран. Во время бомбардировок Югославии войска НАТО уделили ударам по сербским телекоммуникациям едва ли не больше внимания, чем разрушению военных объектов. Реакция западных средств массовой информации на события в Южной Осетии также продемонстрировала, в какой степени нынешняя реальность определяется не подлинными событиями, а их информационной имитацией. Цинизм и ложь, когда агрессор был назван потерпевшим, а трагедия истинных жертв замалчивалась, должны быть развенчаны и открыто осуждены.

Главное — извлечь из всего произошедшего уроки на будущее, чтобы не допустить ситуации, при которой можно победить в войне, но проиграть мир. Для этого информационные конфликты должны быть проанализированы в более широком общественном контексте. Речь идет, прежде всего, об участии в информационной индустрии всех социальных институтов: государственных органов власти, средств массовой информации, экспертного сообщества, гражданских организаций, деловых кругов. Необходимы принципиально новые подходы к взаимо-

действию государства, средств массовой информации и экспертного сообщества. Нужна образовательная и научная инфраструктура изучения и разработки технологий информационного противоборства. Думаю, об этом мы сегодня также поговорим.

Отмечу лишь то, что представляется для меня совершенно очевидным. Первое. В случае острых кризисов или военного противостояния государственная власть обязана оперативно предоставлять журналистам все возможности для освещения событий. Со своей стороны средства массовой информации должны руководствоваться чувством высокой гражданской ответственности. Цена журналистского слова в экстренных, тем более в военных, условиях сегодня особенно высока и очень часто оплачивается жизнью людей. Все мы помним трагедию «Норд-Оста», после которой пришлось существенно изменить наше законодательство, регулирующее деятельность прессы в кризисных ситуациях. Помним и историю первой чеченской войны, когда электронные пушки телеканалов били в спину нашей армии. Такое, надеюсь, никогда больше не должно повториться.

Второе. Сегодня в нашей стране динамично развиваются политологические и социологические исследовательские центры. Только в Москве их уже более 50. Мировая практика показывает, что именно такие центры являются законодателями мод в области информационных и социально-политических технологий. Наше государство готово выступать заказчиком проектов, направленных на обеспечение информационной безопасности наших граждан. Однако сегодня, к сожалению, качественный аналитический продукт еще большая редкость. Многие экспертные центры заняты лишь «самораскруткой», гоняются за хлесткой фразой или объясняют, почему не сбылись их же прогнозы.

Третье. Все более активно в информационных войнах участвует бизнес. Это и понятно, потому что хозяйствующие субъекты могут оказаться в числе первых жертв, если информационная война перерастает в экономическую. Кстати, неслу-

чайно сразу после событий в Южной Осетии прозвучали угрозы санкций именно в адрес российских корпораций. У национального капитала может быть только одна эффективная стратегия: ориентация на развитие вместе со своей страной. С другой стороны, нельзя забывать, что интересы бизнеса не всегда и не во всем совпадают с общественными интересами, и здесь необходимы действенные инструменты контроля со стороны государства и гражданского общества.

Четвертое. Мне постоянно приходится говорить об информационной защите отечественной культуры. Широко известно, к примеру, что телевизионный, печатный и рекламный информационные потоки во Французской республике строго нормируются. Есть квота на показ зарубежных фильмов в кинотеатрах, есть квота на показ зарубежной продукции на телевидении. Если во Франции транслируются иностранные песни или какие-то клипы, обязательно должен быть перевод, в то же время их присутствие в эфире строго регламентируется. При этом это касается и наружной рекламы. Во Франции в большинстве своем иностранные рекламы обязательно должны иметь перевод на французский язык. Но согласитесь, никто не называет Францию тоталитарным или закрытым обществом. Вы знаете, какую болезненную реакцию вызывают предложения нашей партии, партии «Справедливая Россия», о создании общественных советов на телевидении. Считаю, что эту проблему обязательно нужно решить. Хочу вас еще раз заверить, что мы не собираемся и не хотим противопоставлять себя медиа-обществу. Наоборот, мы хотим и призываем к сотрудничеству, взаимодействию. В конце концов, речь идет о формировании информационной культуры нашего общества. И потому хотелось бы услышать ваши предложения по этому поводу.

При анализе информационного противостояния нельзя забывать о человеке, о том, каковы последствия информационных войн для рядовых граждан. Уверен, нынешнее информационное противостояние не должно перерасти в глобальную

холодную войну с тягчайшими экономическими, организационными и психологическими последствиями. Об этом неоднократно говорил и президент Дмитрий Медведев. Наша страна стремится к взаимопониманию со всеми зарубежными партнерами, при этом национальные интересы России должны приниматься во внимание при решении любых международных вопросов. Как вы знаете, в следующем году будет отмечаться 20-летие падения Берлинской стены. Если проводить исторические параллели с периодом холодной войны, то можно констатировать, что некоторые западные политики пытаются возвести новую виртуальную «Берлинскую стену» с целью информационной блокады России. Думаю, вы согласитесь со мной, что стены, которые возводятся в умах и в сознании людей, зачастую более прочны, чем любые железобетонные стены. Вот почему в качестве каналов трансляции нашей позиции необходимо взаимодействовать с гражданскими институтами других стран, использовать партийные и неформальные связи.

«Справедливая Россия» приняла самые энергичные меры для информирования о реальных событиях в Южной Осетии наших коллег по Социнтерну, и должен сказать, что наша активная позиция и политика привела к определенным позитивным результатам. По крайней мере, многие социал-демократические и социалистические партии, их представители, получив правдивую информацию, в том числе от нас, более взвешенно подходили к тем оценкам, которые они высказывали публично. Сегодня очевидным фактом стал провал концепции однополярного мира, глобализации по-американски. Многообразие культур и образов жизни, оказалось, невозможно унифицировать, загнать в единые ценностные рамки общества потребления, поправ при этом нормы международного права и устоявшуюся десятилетиями систему международной безопасности. Назрела необходимость создания новых инструментов обеспечения международной безопасности, в том числе — информационной.

Думаю, надо идти в направлении выработки международной конвенции о нормах информационного взаимодействия в ситуациях острых международных конфликтов, дающих правовую квалификацию информационной агрессии, а также определяющих систему запретов и ограничений на применение информационного оружия. Информационные войны, в конечном итоге, нуждаются в своих миротворцах. Главный поражающий фактор информационного оружия — манипуляция человеческим сознанием, поэтому необходимы своего рода подушки информационной безопасности для обычного человека. Если существует информационное оружие, то население должно быть защищено от него. Хочу пожелать всем нам плодотворной дискуссии. Большое спасибо за внимание!

КЬЕЗО Джульетто, депутат Европарламента (Италия)

Я выслушал выступление Сергея Михайловича Миронова с большим вниманием и узнал о многих для меня интересных вещах. С.М. Миронов сделал серьезный анализ причин информационных конфликтов и противостояний в современном мире, сформулировал важные предложения. У меня нет возможности подробно рассмотреть суть этих предложений. Скажу лишь о самом волнующем меня вопросе. Одна из причин нынешней ситуации в мире заключается в том, что за последние 50 лет система средств массовой информации претерпела фундаментальные изменения. Она стала совершенно другой, и потому сейчас изменить информационную ситуацию в мире будет чрезвычайно сложно. Мы должны стремиться к тому, чтобы построить совершенно новую информационную систему, имея в виду, что система средств массовой информации играет в ней ключевую роль. Позвольте, я поставлю в очень быстром темпе несколько вопросов.

Здесь собрались за этим столом высокоинформированные люди, но тема, по которой мы дискутируем, совершенно незнакома миллиардам людей. Практически все население планеты ничего не знает о состоянии дел в мире по существу. Мы должны понимать, что причина такой ситуации связана с телевидением. Что означает телевидение для миллиардов людей? Пресса, конечно, играет важную роль в мире, но в основном для правящих элит.

Вопрос в том: сколько в действительности идет информации по телевидению? В собственном смысле слова ее не больше 7–8% на ваших или наших, западных каналах, тут нет особой разницы. А что остальное? Для миллионов и миллиардов людей — это развлечения и реклама. В сравнении с ними информации принадлежит незначительная часть времени. А учитывая, что их смотрят люди в праймтайм, которое очень хорошо оплачивается, то, я считаю, именно через развлечения и рекламу идет массовое оболванивание людей. Я предлагаю уделить особое внимание изучению идеологического влияния рекламы и развлечений, о чем очень хорошо говорил сегодня Сергей Михайлович.

Мы все на Западе (мне кажется, и здесь в России тоже) превратились за последние 50–60 лет в потребителей. Уже гражданство — вещь второстепенная. Мы живем, чтобы потреблять, чтобы покупать. Это что, действительно самая важная ценность в жизни? Наши дети (а на Западе ситуация еще хуже, чем у вас) каждый день 3–4 часа живут в информационном пространстве, которое все пронизано идеологией потребления. Я на этих примерах заканчиваю, масштабы проблемы, которую мы сегодня начинаем изучать, такие огромные, что здесь нужны, конечно, очень серьезные исследования.

Чтобы начинать нашу с вами совместную борьбу, подчеркиваю, совместную борьбу, я имею в виду Россию, Китай, Америку, Европу, важно попытаться определить масштабы глобального кризиса, который охватил мир. Масштабы кризиса не

очень понятны даже политикам и, конечно, совершенно непонятны миллиардам людей. Это не только финансовый кризис, но и энергетический кризис, и потому наш образ жизни должен измениться коренным образом в течение жизни одного поколения. Запасы энергии не бесконечны, а мы, я имею в виду человечество, в течение последнего века использовали практически больше половины того, что экосистема создавала в течение 70 миллионов лет. А что будет после пика потребления нефти? Знают ли люди, что через 10–15 лет наша жизнь будет совсем не такой, какой она есть сегодня? Это касается ее только Запада, где запас энергоресурсов минимальный, но и России тоже. Это мировая проблема. А сколько людей знает об увеличении годовой температуры воздуха на планете? А сколько людей в России (и в Европе то же самое) знает, что у человечества остается не больше 15–18 лет для того, чтобы уменьшить производство и выброс в атмосферу углекислого газа, рост которого вызывает увеличение годовой температуры воздуха на планете? Что после повышения этой температуры на три градуса начнутся катастрофические изменения в жизни всей планеты?

Я считаю, что роль России должна быть фундаментальной в решении проблем такого рода. Один Запад не сможет их решить, теперь после конца однополярного мира мы все вместе должны сесть за общий стол и начать обсуждать волнующие нас проблемы. Но прежде всего нам необходимо давать широкую информацию населению мира, чтобы оно смогло подготовиться к переменам. Это и есть самозащита, борьба человечества за выживание. Если мы не будем этого делать, тогда будет война, тогда появится огромное искушение у самых сильных стран решать проблемы в свою пользу.

Мир находится в большой опасности, как это показал сегодня Сергей Михайлович, решающая роль в ее обострении принадлежит средствам массовой информации. Поэтому надо думать, как устроить новую мировую информационную систему. А пока можно сказать, что нет никакой общей у нее струк-

туры. Нет никого, кто решал бы вопросы информационной культуры в интересах всего мира. Но тогда как мы сможем управлять мировыми процессами? Поэтому необходимо на международном уровне, прежде всего на уровне ООН, показать, как мы можем решать эти вопросы. Кто-то сказал: есть вещи поважнее войны. Из этого и нужно исходить. Один из самых влиятельных инструментов в мире — это информационное вещание, с помощью которого мы и должны попытаться найти пути спасения мира. Спасибо!

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А., доктор исторических наук, президент Фонда исторической перспективы, руководитель Европейского отделения Института демократии и сотрудничества

Я прочувствовала важность сегодняшней темы еще в конце 80-х годов прошлого века, когда работала в позднесоветское время в Секретариате ООН в Нью-Йорке. Я убедилась в том, что советский агитпроп, который нам тогда очень надоел и наскучил, вызывал большой скепсис, — это был детский сад по сравнению с той масштабной пропагандистской машиной, которая работала в Соединенных Штатах Америки. Причем она отличалась разнообразием, красочностью, красивой картинкой и круглосуточным вещанием на 100 каналах телевидения и радио, где можно было услышать обо всем: о том, какая подружка у президента, в каком месте какого органа у него опухоль и т.д., но только не дискуссии по серьезным проблемам, касавшимся человека и человечества.

Сегодня я действительно сталкиваюсь с тем же самым на работе во Франции. Должна сказать, что лишний раз убедилась в том, как призрачны тезисы о пресловутой свободе средств массовой информации. Недавно наше посольство захотело оплатить маленькое объявление о том, что в 40-й день трагических событий в Цхинвали будет молебен и памятный вечер. Ра-

зумеется, все знали, что в течение месяца грузинская сторона оплачивала целые страницы в газетах для платных объявлений, и это считалось абсолютно законным. Но российскому посольству было выдвинуто требование так изменить текст сообщения, чтобы вообще нельзя было понять, по какому поводу будет это траурное собрание. А потом все-таки, взяв деньги, не напечатали.

Поэтому нельзя говорить о том, что нет редакционной политики, о том, что нет определенной линии, которой следуют журналисты. Они сейчас в основном работают на агентства, а не на конкретные газеты и журналы. А уже агентство продает их материалы, одним словом, все, что они пишут, газетам. И если газеты не берут материалы в силу своей редакционной политики, то журналисты, естественно, остаются без гонораров. Вот эта кухня современной технологии организации информационного поля — причем прежде всего на экономической основе, заставляет журналистов просто в целях собственной экономической выгоды работать в основном на определенную политическую линию.

Теперь я хочу поздравить Сергея Михайловича Миронова и всех тех, кто создал этот институт. Название института идеально подходит для того, что на самом деле сейчас должна делать Россия на международном уровне. Конечно, не пытаясь развертывать какие-то широковещательные масштабные кампании советского прошлого времен Брежнева, России тем не менее пора выдвинуть некий актуальный универсальный принцип, обращенный к человечеству. И «справедливый мир» как нельзя лучше здесь подходит, потому что мир сегодня удивительно несправедлив. Информационное общество создает свои законы. Манипуляция сознанием, действительно, есть главный инструмент политики. Особенно это проявилось во время так называемых «бархатных» революций, технология которых, на самом деле, возможна исключительно в информационном обществе, когда люди верят и знают, что на свете существует только то, что есть на экранах телевизоров. Все остальное в их сознании

как бы не существует. Создание стереотипов сознания, опорных мифов этого сознания через телевизионную картинку, безусловно, является спецификой нашего общества.

Правильно говорилось в выступлении нашего уважаемого гостя Джульетто Кьеzo о том, что информация на телевидении на самом деле занимает крошечный процент. Но самое главное здесь заключается в том, что вместо информации — она хитро запрятана — людей приучают обращать внимание не на факт, а на мнение о факте, которое подается вместе с этим фактом. Вот здесь очень трудно обывателю быть защищенным от этого постоянного давления на его сознание. Куда там до этого советскому агитпропу, который прямолинейно внушал нам, что все самое лучшее только у нас в стране и так далее.

Какие сейчас стереотипы существуют? Для того чтобы говорить серьезно о проблемах сегодняшнего мира, мы не можем отойти от постановки вопроса о том, что есть сегодняшняя демократия. Я давно поднимаю эти вопросы в беседах со своими западными собеседниками, иногда ставя их в тупик, потому что никогда еще так, как сегодня, они не клялись демократией буквально как Библией. Да, впрочем, ей клянутся и на Библии, не замечая (конечно, философы это понимают) отличия демократии от той иерархии ценностей, которая имеется в Библии. Но при этом никто еще не показал, насколько фарисейская идет сейчас на Западе манипуляция великими ценностями, за которые в свое время лучшие представители человечества отдавали свои жизни на эшафоте. Сегодня у нас некоторые либералы вообще утверждают, что нет таких ценностей, за которые стоит умирать. Это полное извращение всей человеческой культуры. Люди именно потому и создали эту великую человеческую цивилизацию, что готовы были умирать за ценности, а не только за свои собственные жизни. Ценностный нигилизм — вот проблема западного общества, но это теперь уже и наша проблема, потому что через информационные средства нам передается этот ценностный нигилизм, смешение всего и вся.

Кратко буквально несколько тезисов. Современный обыватель подвержен эйфористическому восприятию того, что ему сообщают СМИ. Посредством их обывателю внушают убеждение — наивное, абсолютно необоснованное — во всемогущество идеальных общественных институтов и идеальных экономических доктрин, которые правительства создают и применяют. Безусловно, они заимствуются извне, при этом совершенно ясно, что любое правительство сейчас обязано декларировать свою приверженность идее вестернизации. Но, подписавшись под этим тезисом, одновременно руководство страны в любой, особенно в кризисной ситуации, сталкивается с проблемами, которые требуют иных подходов и иных регуляторов. Оно попадает в замкнутый круг, что и создает кризис в обществе, приводит к усиленной манипуляции сознанием с помощью СМИ и, в том числе, к сидениям людей на площадях и т.д. Хотя вся страна может при этом заниматься совершенно обычной жизнью, но это не волнует тех, кто занимается манипуляцией сознанием. Нынешнее информационное общество приучило людей к тому, что нужно зримое подтверждение общественной поддержки, причем незаконных государственных переворотов. Все «бархатные» революции еще 25 лет назад в западном обществе как в правовом государстве, безусловно, квалифицировались бы как государственные перевороты. Сегодня сложилась совершенно другая ситуация.

Поэтому я хочу подарить институту «Справедливый мир» сборник, написанный международным коллективом авторов, с которыми я связана по Институту демократии и сотрудничества. В сборнике дается анализ опыта применения именно информационных технологий при проведении «бархатных» революций. Содержащийся в нем богатый фактический материал может быть полезен всем политикам, общественным деятелям и, прежде всего, власти, если она не хочет оказаться в подобном положении, ибо «оранжевые» сети плетутся и вокруг России.

ПУШКОВ А.К., политолог, ведущий программы «Постскрипtum», директор Института актуальных международных проблем при Министерстве иностранных дел Российской Федерации

Вообще, на стыке эпох всегда происходит что-то драматическое, так было всегда. В конце XIX века Фридрих Ницше провозгласил смерть Бога, как мы с вами знаем. В отличие, правда, от широко распространенного мнения, он по этому поводу не слишком радовался, он просто фиксировал некую данность, что гибнут традиционные ценности, этические начала, моральные ориентиры. И, кстати, идея сверхчеловека Ницше — она как бы была не от хорошей жизни выдвинута. Она была выдвинута в условиях вакуума ценностей, которые он увидел. В условиях, когда умер Бог, он посчитал, что надо выдвинуть какую-то новую цель для человечества.

Конец XX — начало XXI века, на мой взгляд, это время гибели информации. То есть информация как таковая перестает существовать. Вся информация теперь подчинена какой-то сумме задач, каким-то конкретным — как правило, политическим — целям. Термин «информационные войны», который 15 лет назад мы с вами не обсуждали и практически над ним не задумывались, сейчас вошел в политический лексикон. Это просто показывает, что за 15 лет совершен колоссальный скачок в использовании информации для манипуляции сознанием. Не вся информационная деятельность на Западе, откуда в основном исходят информационные войны, является информационной войной. Нет, есть информационная деятельность вполне традиционная, но в политической жизни человечества все большую роль играют вот эти концентрированные целенаправленные сгустки информационной агрессии, которые обеспечивают выполнение каких-то политически крупных социальных, идеологических и прочих (военных очень часто) задач. Несколько примеров последних информационных войн.

Безусловно, суть информационной войны, порожденной событиями 11 сентября 2001 года, — это создание обстановки информационного переворота для реализации силового сценария создания нового мирового порядка. Об этом новом порядке в 1990 году говорил Буш-старший, тогда это был проект, а Буш-младший решил этот информационный порядок миру навязать уже силовым способом. Но как это сделать? Нельзя просто взять и вдруг объявить тотальную войну, нужна была идея борьбы с международным терроризмом, а это и есть идея тотальной войны. Международный терроризм может быть везде, его можно использовать для решения любых задач. Везде можно взорвать дискотеку и потом сказать, что туда нужно выслать большое количество войск.

Нужно было сделать что-то — и мы с господином Къезо это недавно обсуждали в эфире «Первого канала» — нужно сделать такое, что поразит воображение всего человечества. Это было сделано, причем расчет был сделан именно на то, что само событие не будет обсуждаться. Самолеты поразили две башни. Все это видели. А кто это сделал? Конечно, «Аль-Каида». Слово «Аль-Каида» было вброшено в американский эфир через 25 минут после того, как телекомпании стали комментировать атаку на башни-близнецы. Только вдумайтесь: через 25 минут они уже знали. То есть они до этого не знали, что 4 самолета будут угнаны и что это все произойдет, а через 25 минут они уже знали, что это именно «Аль-Каида» за всем этим стоит. А через несколько дней появились даже фамилии. Откуда они взялись? Ясно, что это была хорошо скоординированная акция. Нам, всему миру создали информационный образ, и этот образ заработал. Он всячески поддерживался, потом возник образ-мифологема «бен Ладен». Никто не знает: жив ли он, где он, седая у него борода или черная. Нам периодически его показывают с черной бородой, потом опять с седой. Видимо, он там подкрашивает ее у себя в пещере Тора Бора. Может быть, его вообще уже нет, и бороду прилепили другому товарищу. Это несус-

щественно, образ работает, и его наличие оправдывает идею борьбы с международным терроризмом как главной угрозой миру, хотя международный терроризм главной угрозой миру не является и никогда не являлся. Терроризм был всегда, встречался у итальянских карбонариев и даже раньше, как вы прекрасно знаете. Произошла возгонка старого феномена, ему придали новое качество для обеспечения определенных политических задач.

Второй пример — Ирак. «Горячей» войне в данном случае предшествовала мощнейшая информационная война. Основные участники вам известны: Д. Буш, Чейни, К. Райс, Колин Пауэлл. Райс тогда произнесла знаменательную фразу, за полгода до вторжения в Ирак. Она сказала: «Решение о свержении Саддама Хусейна принято, но теперь мы его можем обсудить». Это, я считаю, блестящая фраза. Решение уже принято, но если вы хотите, давайте на этот счет поговорим немножко. И началось обсуждение именно в рамках информационной подготовки к агрессии. Вы все знаете, как это происходило и как Колин Пауэлл доказывал, что в Ираке сосредоточены огромные запасы оружия массового поражения, которые потом никто не нашел.

Было еще несколько информационных войн. Была информационная война против Сербии. Задача: обеспечение свержения режима Милошевича с последующим отторжением Косово. И последний пример — это попытка информационной войны против России. Интересно, что эта информационная война, связанная с последними событиями на Кавказе, не удалась в полной мере. Не удалась, на мой взгляд, по двум причинам. Во-первых, все-таки очень трудно опровергнуть факт агрессии со стороны Грузии. Есть какие-то вещи, которые трудно исказить. Сначала на Западе возникла мощная волна осуждения России, но по мере того, как этот факт становился все более очевидным, его становилось все сложнее оспаривать. Целый ряд людей перестали подыгрывать американской линии, которая до сих пор состоит в том, что Россия совершила агрессию. Эту

линию Европа, в общем, рьяно не поддерживает. Есть антиросийские круги, проамериканские, которые поддерживают линию администрации Буша, но в целом Европа решила пойти по другому пути. Причина — те взаимосвязи, которые у нас существуют с Европой, тот факт, что Европа импортирует 50% своего газа из России. Это, собственно, главная причина. Поэтому она решила не ссориться. Инстинкт самосохранения сыграл определенную роль, у Европы гораздо более тонкая позиция по этому вопросу. Поэтому информационная война против России не удалась. Инстинкт самосохранения — одна из тех вещей, к которой следует апеллировать в борьбе с информационными войнами.

Я только что вернулся из Лондона, где участвовал в большой публичной дискуссии. Тема: надо ли принимать Грузию и Украину в НАТО. Три человека выступали «за» (представители Грузии, Украины и один английский парламентарий) и трое «против» (два английских политолога и я). В английской аудитории, то есть в стране, в которой средства массовой информации однозначно поддерживают идею вступления Грузии и Украины к НАТО, нам удалось одержать достаточно весомую победу над этой точкой зрения. Английская аудитория посчитала, что слишком опасно связываться с нестабильными, ненадежными, агрессивными по своей сути режимами. С ними неизвестно что происходит, они в любой момент могут подставить НАТО и заставить блок вступить в военные действия против России (или, во всяком случае, у НАТО появится такое обязательство) в условиях, когда НАТО не будет контролировать конфликтную ситуацию. Вот к этому чувству самосохранения надо апеллировать.

И последний тезис, который нуждается в дополнительной, конечно, разработке. Здесь говорили ранее о советском агитпропе. В свое время у нас была такая незаметная структура, которая называлась Отдел международной пропаганды ЦК КПСС. Этот отдел обеспечивал очень важные вещи. Например, благодаря принятым мерам, мы в значительной степени доби-

лись того, что «Першинги» и крылатые ракеты не были размещены в ФРГ в начале 80-х годов. Этот отдел работал с миролюбивым мнением на Западе, с коммунистическими партиями, с лейбористскими организациями, с движением за мир. Он сыграл очень важную роль в том, что при Картере нейтронная бомба не была размещена на территории европейских государств, хотя такие планы были. Мы тогда работали с европейской ответственностью. Сейчас, увы, у нас нет системы внешнеполитической пропаганды. Те, кто этим занимаются, работают все автономно. Это все равно как действовать не единым кулаком, а пальцами разжатой руки.

У нас есть два ньюсмейкера: это президент и премьер-министр, которые берут на себя 95% всей внешнеполитической информации и пропаганды. Иногда к ним подключается министр иностранных дел Лавров. Но этого мало. Современным информационным войнам, направленным против нас, должна быть противопоставлена серьезная система реализации российских идеологических, информационных и политических интересов за рубежом. Пока, к сожалению, мы занимаемся больше по этой части самодеятельностью при всех безусловных талантах президента и премьер-министра в этой области. Как только они начинают выступать, ситуация меняется к лучшему, но, думаю, должна быть создана мощная система, которая будет работать на достижение тех задач, о которых мы сегодня говорим. Спасибо!

КЕМПБЕЛЛ Адриан, профессор университета г. Бирмингем (Великобритания)

Доброе утро, дамы и господа! Мне было очень интересно слушать выступление А.К. Пушкива. Поэтому я немножко отойду от того материала, который я заранее подготовил. Очень интересно проследить, как развивались представления о со-

бытиях в Грузии и Южной Осетии в мировых СМИ, особенно в Европе. Я не сказал бы, что британские СМИ поддерживают однозначно принятие Украины и Грузии в НАТО, но я знаю два течения в СМИ. Да, во многих главных комментариях говорилось: да, надо быстро решить положительно этот вопрос. А если вы читаете в серьезных газетах содержательные комментарии, то в них обсуждаются те сомнения, о которых вы, г-н Пушков, говорили: зачем НАТО вообще нужно идти в эти страны, с какой целью? Я сказал бы, что эта осторожность европейских СМИ, британских СМИ в том числе, не только идет от самосбережения (хотя, наверное, эти вопросы играют свою роль). Думаю — и здесь я приближаюсь к теме своего выступления — что именно имидж и образ имеют большой и долгосрочный вес в политике.

Вот одна из проблем. Была, скажем, попытка создать негативный образ России в последнее время, связанный с кавказскими событиями, но она не совсем удалась, потому что у нас во время холодной войны велась пропаганда антикоммунизма, антикоммунистической идеологии. Но чисто русофобского образа в Англии тогда не было, лишь иногда отдельные аспекты появлялись. Наоборот, до сих пор сохраняются воспоминания о мощной пропагандистской поддержке Советского Союза во времена Второй мировой войны. В нашей политической культуре этот образ остался, и, когда развивается какая-то русофобия, благодаря прежнему образу Советского Союза нет желания в политической среде идти на прямой конфликт с Россией. Это не единственная причина, просто я хотел изложить здесь этот свой субъективный взгляд на проблему. Имидж, образ очень важны при проведении информационных войн.

Почему мы вообще обсуждаем этот вопрос — информационные войны? В современную эпоху общественное мнение, восприятие людей имеет решающую роль в достижении целей войны. Я хотел бы переделать фразу Клаузевица, который сказал, что война — это продолжение политики другими средствами. Сегодня, наоборот, политика — это продолжение войны други-

ми способами. Когда война заканчивается, потом начинается настоящая борьба: а что эта война значила? Мы видели это с Грузией. Конечно, если это мировая война, тогда есть окончательный, чисто физический результат: война завершена. В случае обычного конфликта есть только промежуточный результат. А что значит закончившаяся война, куда процессы пойдут дальше — все это вопросы политики и политических обсуждений.

Подобные вещи появились только в XX веке. В нашей стране серьезная пропаганда появилась в годы Первой мировой войны, потому что у нас была добровольная армия, был нужен какой-то идеологический призыв, чтобы люди хотели служить в армии. Жители нашей страны служат только по доброй воле. Как привлечь их внимание, как сформировать их мнение? Немного о технологии проведения такой работы. Если вы знаете, например, теорию Хантингтона, то в ней утверждается, что мы все, европейцы, живем в своей цивилизации, значит, мы естественно настроены против других цивилизаций. Я это не принимаю... Да, легко делать негативный образ «другого», который живет в чужой для тебя цивилизации, но это не всегда получается. Например, было много войн, когда люди из самых разных цивилизаций сражались против тех, которые были как-то ближе к ним по цивилизационным признакам. Посмотрите на любую европейскую войну: сразу видно, что союзы и альянсы не создавались на основе какой-то культурной близости.

Есть очень интересная концепция Г. Саймона об ограниченной информационной рациональности, который уже в 50-е годы XX века понял, что в мире все больше и больше информации (тем более 50 лет спустя, это так), и потому люди не могут перерабатывать всю поступающую к ним информацию. Они могут быть рациональны только до какой-то степени, потом они должны принять какой-то образ, имидж и будут действовать в соответствии с ним. Они не могут все делать только согласно логике. Вопрос в том, как будет отбираться поступающая информация с тем, чтобы люди имели какое-то представление? Если можно

создать у человека некий образ, который будет связан с его эмоциями, тогда они будут реагировать на информацию, но при этом в основе эмоциональных реакций окажется образ как несомненный факт. Он будет определять конкретную ситуацию. Я спорю с теми, которые говорят, что имидж отражает ситуацию. В нашу эпоху, как уже предыдущий оратор подчеркивал, именно имидж определяет ситуацию — не отражает, а определяет. Некоторые имиджи специально формируются с тем, чтобы определять сознание людей относительно конкретного конфликта. Сознание человека не просто отражает ситуацию, когда он получает информацию. Вы знаете, это не так. Человек решает, в чем суть сложившейся ситуации. Здесь нужно найти имидж, который и будет отражать суть этой ситуации.

Один из самых лучших примеров (может быть, вы не знаете) — случай, имевший место в палестинском конфликте. Был мальчик Мохаммед Ад-Дура, сняли фильм о том, как его расстреляли. Я не буду говорить о том, кто прав и кто виноват в этом конфликте, беру просто как случай. Эту пленку передали на французское телевидение, которое показало фильм, но не полностью. Потому что если посмотреть фильм до конца, то видно в конце, что мальчик подглядывает и, стало быть, он не был убит. Но конец фильма отрезали и в таком виде его показали. Почему на это важно указать? Когда спросили у журналиста: «Вы купили этот видеоролик у кого-то, кто вас снабдил этой информацией, и вы его показали. А вы знаете, что мальчик не был убит?» Журналист ответил: «Не важно. Фильм в таком виде совпал с моими представлениями об этом конфликте, поэтому я и показал его». Не важно, кто прав, кто виноват в этом конфликте. Но дело в том, что журналист нашел имидж, который выражал суть его представлений о конфликте и показал его по телевидению, тем самым он усилил у телезрителей этот имидж.

Возвращаясь к началу — имидж России — я думаю, что в политике нашей лейбористской партии был важный опыт в сфере создания имиджа. Лейбористская партия, союзник вашей

«Справедливой России», многому научилась у демократов времен Клинтона, а именно, как воевать с негативным имиджем, который ваши оппоненты создали о вас. Есть очень интересные мемуары А. Кемпбелла, который показывает, как они систематически это делали. Я думаю, что касается России, речь здесь не идет чисто о гипотетических стратегиях, о понятии разных конфликтов. Я думаю, что Россия должна больше заниматься собственным имиджем потому, что чем лучше будет имидж России, тем больше они будут верить или, по крайней мере, нормально смотреть на высказывания и выступления из России. Я сказал в начале выступления, что было как бы два типа статей, которые появились в наших СМИ. Были статьи, авторы которых серьезно обдумывали ситуацию, смотрели в глубь проблемы, и были такие, в которых писались очень поверхностные вещи. Когда авторы писали свои поверхностные статьи, они часто пользовались известными фактами, например, ссылались на то, что в России негативная демография. Но это же очень интересно: почему во многих отрицательных статьях ссылались именно на это обстоятельство? На одном из брифингов один такой автор сказал: мало того, что Россия неправа в этом конфликте, но к тому же эта страна с большими проблемами. Тем самым он хотел, используя этот факт, как бы принизить образ России. Итак, я полагаю, что надо думать о создании положительного имиджа страны самого по себе, независимо от обстоятельств, и в такой форме, чтобы он содействовал хорошему восприятию страны. Спасибо!

ЛЕВИЧЕВ Н.В.

Спасибо! Вообще говоря, мне кажется довольно понятным, что обычные войны, если они не являются войнами на истребление, ведутся для достижения, в общем-то, психологических целей. В буквальном смысле для того, чтобы изменить психоло-

гию противника, чтобы выйти на какие-то договоренности с тем, чтобы война закончилась. Но в нынешних условиях, наверное, информационные войны будут больше ориентированы не столько на противника, сколько на создание обработанного в нужном направлении мирового общественного мнения. В этом плане вы правы, что имидж сегодня — все. Но мы сталкиваемся и с такой ситуацией, когда информационные войны становятся превентивными и предвещают те войны, которые в буквальном смысле нацелены именно на истребление.

МАТАНОВИЧ ДРАГУТИН, советник председателя
Социалистической партии Сербии

Тема моего выступления — информационные войны и контроль СМИ — фундамент нового мирового порядка. Сразу по окончании холодной войны американский президент Буш — старший провозгласил эпоху нового мирового порядка, при котором глобальная экономическая и геополитическая мощь должна быть сосредоточена в руках США и ее союзников. «Пакс Американа» был переименован в неолиберальный глобализм в период правления президента Клинтона с той же целью: обеспечить господство Америки и Запада в целом в XXI столетии. В фундамент нового мирового порядка и неолиберального глобализма были заложены контроль над СМИ и информационные войны, задуманные в виде обширной пропагандистской операции, с помощью которой происходит управление глобальным общественным мнением.

В информационных войнах телевидение, содержание его передач представляют главный инструмент. Привлекательный мир телевизионных развлечений и фантазий стал сегодня самым главным элементом человеческого быта. Максимально ослаблена сила когда-то неприкосновенных институтов: семьи, церкви, профсоюза, армии и в первую очередь — государства

информационного давления со стороны СМИ. Западные элиты, обладающие и контролирующие глобальные СМИ, имеют все возможности для контроля над человеческими эмоциями и нравственными взглядами, для тонкого формирования политических убеждений людей в соответствии с собственными интересами и целями. Методика всегда одна и та же: используется ложь и дезинформация, цель — изменить сознание той стороны, против которой ведется информационная война.

Когда нужно было «сатанизировать» боснийских сербов с целью оправдать бомбежку военных позиций сербов в Боснии, были использованы невероятные выдумки о концлагерях, об изнасиловании тысяч мусульманских жен, о массовых захоронениях и тому подобное. Когда нужно было отнять Косово, Метохию, безнаказанно бомбить Сербию, выдумывали сказки про крупнейшие этнические чистки со времен Второй мировой войны. Когда нужно было обеспечить присутствие американской военной армады в любой точке земного шара и воплотить в жизнь теорию о профилактической войне, сотворили 11 сентября и идеологию вечной войны с терроризмом. Когда нужно было захватить Ирак и обеспечить контроль нефтяных месторождений и дорог, выдумали угрозу атомного оружия, которым якобы обладал Саддам Хусейн. Когда нужно было «сатанизировать» путинскую Россию, потому что она решительно и эффективно встала на защиту народа Южной Осетии, остановила геноцидную агрессию американской пешки Саакашвили, были запущены фразы о чрезмерном использовании Россией военной силы. Один высокопоставленный чиновник ЕС сравнил российское признание независимости Южной Осетии и Абхазии с разделением Чехии нацистами накануне Второй мировой войны. Без сомнения, мы живем в мире, в котором в демократических обществах Запада, по словам Н. Чомского, «система контроля над СМИ куда более мощная, чем та, что была в тоталитарных обществах».

Теперь разрешите мне сказать несколько слов о текущей информационной войне, которая ведется против Сербии.

Российско-сербское нефтегазовое соглашение дает возможность Сербии стать локальной энергетической страной, зарабатывать не менее 200 миллионов евро в год за счет транзита газа, открыть около 100 тысяч новых рабочих мест и тому подобное. Однако противники этого соглашения многочисленны. Америка не хочет строительства трубопровода «Южный поток». Брюссель недоволен строительством магистральной ветки «Южный поток» через Сербию, потому что Белград не является полностью подконтрольным ему. Венгерские националистические движения в Воеводине и Венгрии знают, что интегрирование нефтепромышленности Сербии в систему «Газпрома» навсегда уничтожило бы затею об отделении Воеводины от Сербии. Австрийская компания OMV не хочет, чтобы «Газпром» купил NIS, так как его новый современный НПЗ возьмет Сербию и большую часть рынка Юго-Восточной Европы. В СМИ Сербии, которые большей частью подконтрольны Западу, в основном звучат аргументы противников соглашения. Пишут о низкой цене покупки, о проблемах экологии и тому подобном. Отсутствуют сильные и многочисленные аргументы, которые говорили бы о том, что соглашение является сделкой века для Сербии.

России больше нельзя проигрывать информационные войны. И в Сербии, и во всех других странах, в которых имеются российские экономические, энергетические или политические интересы, нужно отыскать форму и способы, которыми про-российские компании и предприниматели приобретали бы в собственность отдельные радиостанции и телевизионные каналы, газеты и журналы. Необходимо также научиться общаться по современному с местными журналистами, организовывать для них интересные семинары в привлекательных местах России и тому подобное. И, наконец, решения труднейших проблем, перед которыми стоит человечество — от энергетических, до экологических, от экономических до общественно-политических, от культурных до религиозных — могут быть найдены

только двумя способами. Один — мирный, подразумевающий демонтаж американской империи и создание новой цивилизации, создание русской Евразии и китайской Азии как новых глобальных силовых центров. К сожалению, другой путь — это путь военных столкновений с возможностью ограниченного или глобального применения ядерного оружия. Судьбоносные события во многом будут зависеть от роли Российской Федерации и в этом плане — от способностей России вести успешные информационные войны. Спасибо!

ЦИПКО А.С., главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ РАН)

Проблема, которую мы обсуждаем, имеет по крайней мере два аспекта и каждый из них актуален. Первый аспект — то, о чем говорили здесь Алексей Пушкин, Джульетто Кьезо: проблема «информационные войны и внешняя угроза для России». Есть второй аспект, о котором подробно говорил Сергей Михайлович, он мне ближе и, на мой взгляд, намного важнее. Это проблема информационной идеологической внутренней безопасности самой России. Сергей Михайлович говорил о доктрине информационной безопасности, я бы о доктрине идеологической безопасности. Трагедия России в XX веке состоит в том, что она дважды проигрывала внутренние информационные войны, внутреннюю идейную борьбу, когда объектом нападения было собственное государство, собственная история и собственная страна.

Вы напомнили один пример: первая чеченская война. Но будем видеть правду: события в Южной Осетии прекрасно показали, что внутри страны у нас, по крайней мере, если не на уровне телевидения, то на уровне газет такая же была война, как в 1991 году, один в один. Кстати, за ней стояли одни и те же

люди. Я участвовал в двух дискуссиях (не буду называть фамилии) на «Эхо Москвы» с теми же людьми, с которыми я в 1991 году полемизировал по поводу распада СССР. Эти люди тогда говорили: империя, Россия должна умереть, это гниль, распад. Теперь они говорили: если вы защищаете Осетию, то вы защищаете имперский синдром России и так далее.

Я понимаю, здесь собрались люди разных политических убеждений. Но в 1917 году большевики выиграли информационную войну: «мир — народам», «земля — крестьянам», и все рухнуло. В 1991 году стали говорить о суверенитете РСФСР, русские будут жить лучше, если избавятся от лишних территорий, и все рухнуло. О чем это говорит? Это говорит об очень серьезных трех проблемах.

Первая проблема: о самом субъекте восприятия. У русского народа много достоинств, но иногда эти достоинства оборачиваются обратной стороной. Эта надмирность, открытость, духовность, умение воспринимать мировые проблемы, что, несомненно, характерно для русской души, оборачивается легковерием, легким соблазном. Русского человека легко соблазнить чудом, невозможным. И в 1917 году, и в 1991 году. Эта проблема реально существует вплоть до сегодняшнего дня. Мы правильно говорим об информационной безопасности, по крайней мере о необходимости создания общественных советов на телевидении, где был бы какой-то интеллигентный запрет на пропаганду разрушительных идей, о чем только что говорила Н. Нарочницкая. Это все хорошо. Но как быть, когда у нас говорят, что нет такой ценности, за которую можно было бы отдать жизнь, умереть, что нет вообще никаких ценностей, что нет и зла и добра. Это чрезвычайно важно иметь здесь в виду. Мы должны извлечь уроки из нашей собственной истории уроки. Это ведь трагедия, как только мы начинаем демократические реформы, они направляются против национального государства. Теперь мы вспомнили: Крым русский, Севастополь русский. А где мы были в 1991 году?

О второй проблеме тоже очень коротко. Она остро дискуссионная. Проблема, которую поставил Путин в 2000 году в своей статье «Россия на рубеже веков», состоит в следующем. Если мы выходим из советской, коммунистической истории, как и другие страны, то мы должны договориться о базовых ценностях. Понятно, что есть либеральные взгляды, консервативные взгляды, но по базовым ценностям должно быть достигнуто согласие. У нас этого не произошло. Ни по проблеме Россия — Европа. Кто мы: часть европейской цивилизации, или особая цивилизация, или восточноевропейская цивилизация, или до сих пор строим новый красный мир. Посмотрите нашу публицистику. До сих пор идет ожесточенная борьба по этим вопросам. Вчера Верховный Суд России реабилитировал царскую семью. Сколько мы этого ждали. Отношение к Октябрю. Ведь можно найти для него цивилизованные формулировки. Не надо никого обижать и сказать, что это была историческая драма. В конце концов, был и красный, и белый террор. Однако никакого согласия не найдено. То же самое относительно распада СССР. Более или менее есть согласие по поводу итога реформ 90-х годов прошлого века.

Суть второй и самой важной проблемы состоит в том, что общество очень уязвимо, когда нет договоренностей по базовым ценностям. Я повторяю, должны быть разные партии — левые, левоцентристские и так далее, как в любой цивилизованной стране. Но это все не работает, когда по самым важным вопросам нет согласия.

Третья проблема. Сделано чрезвычайно много для восстановления духа государственности и роли государства. И за последние восемь лет, и новым президентом — Дмитрием Анатольевичем Медведевым. Тем не менее, на мой взгляд, в сознании людей, в массе населения нет ощущения ценности государства, ценности того, что наше социальное бытие зависит от крепости государства. Ведь когда я выбираю между частным и государственным, для меня более важным является государствен-

ное. Банальный пример. Я не журналист, но я всегда обращаю внимание на мелкие детали нашей жизни. Посмотрите на номер телефона «прямой линии» по наркотикам: 726-66-43 — вы его никогда не запомните. А теперь посмотрите на номер телефона «прямые линии» по покупке квартир: 735-четыре нуля, или на номер сети магазинов «Семь семерок». Вот это пример того, о чем вы говорили, Сергей Михайлович. Когда бизнес выбирает себе всего-навсего телефон, то он выбирает тот, по которому позвонят. А когда речь идет о национальном духовном здоровье, о спасении от наркотиков — это никого не интересует. Ни тех, кто дает телефон, ни тех чиновников, которые регистрируют телефон и так далее. Поэтому третья проблема, о которой я говорю, это, конечно, проблема воспитания, формирования у населения чувства ценности государства, государственных интересов. Поэтому, если мы решим эти три проблемы — проблему договоренности по базовым ценностям, преодоления народного легковерия и воспитания государственной дисциплины, — я думаю, мы будем надежно защищены от всяческих информационных войн. Спасибо!

ГАБРЕЛЯНОВ А.А., генеральный директор ОАО «Ньюс-медиа», издатель газет «Жизнь» и «Твой день»

Добрый день! Трудно выступать после такого замечательного выступления господина Ципко. Это действительно блестящая речь. Но я хочу сказать: сколько бы мы здесь не жаловались, что против нас ведут информационные войны, мы должны отвечать тем же самым. Мы тоже должны вести информационные войны. Это все ерунда, когда мы сейчас осудим американцев, обругаем их, будем жаловаться, плакать, лить крокодильи слезы, вот какие они сволочи. Они все равно будут вести информационные войны, потому что задача у них одна: ослабить Россию, сделать Россия слабой. Никому сильная Россия не нуж-

на. Поэтому я хочу сказать: в любом случае нужно не только готовиться к информационным войнам, нужно уметь воевать и вести информационные войны, уметь воевать и на территории своих врагов.

Вот Н. Нарочницкая говорит: мы во Франции нигде не смогли опубликовать нужную нам заметку. А почему у французов здесь «Европа плюс»? Я не понимаю, почему у «Европы плюс» хозяева в Москве французы? Все говорят: поляки не поддерживали нас, они против нас. А почему поляки будут нас поддерживать, если в Польше 93% СМИ принадлежат западному бизнесу? И нет ни одного российского СМИ, нет ни одного российского издателя. Больше того, недавно на Украине продавался конкурент нашей газеты «Жизнь», которая на Украине имеет по 6—8 уголовных дел постоянно. Но мы держимся, у нас все нормально, мы лидеры украинского рынка. Так вот, продавалась газета «Блик», которая принадлежала швейцарцам. Они не потянули. С кем только я не разговаривал: давайте купим газету. Это нормальный таблоид, будет у нас на Украине два таблоида: «Жизнь» и еще «Блик». Что плохого? Никто не шевельнулся. Кто купил в конце концов? Румыны купили. Вы представляете? Румыны купили «Блик». Теперь газета «Жизнь» (российские владельцы, российские издатели) и газета «Блик» (владельцы румыны) конкурируют между собой. Вот такая ситуация.

Когда господин Ципко говорил, что, действительно, информационная война идет на нашей территории, то вскоре она будет у нас и в регионах. Я вам расскажу на этот счет одну историю. Как-то государство и президент, тогда им был Владимир Путин, сказали, что надо нам иметь федеральную почту. Представляете ситуацию? В Уфе не удалось разместить ни одной заметки о том, что надо делать федеральную почту. Ни одна местная газета не взялась, все боялись. Пришли к нам, я разместил, вопросов нет. Мы сделали несколько заметок — местная газета «Жизнь — Уфа», поддержали, понятно. Но все закончилось тем, что пришли местные органы: «Типография, к сожалению, вас

печатать больше не может, вы знаете, у нас нет возможностей». Это ведь на территории России все происходит. Это только кажется на первый взгляд, что у нас на самом деле есть информационная безопасность. Во время событий на Кавказе В. Путин однажды сказал: «Меня так удивило, как западные СМИ отреагировали на нас». А чему удивляться, я не понимаю. Мы что, ждем, что они будут нас облизывать, что ли? Нет, они будут с нами воевать, потому что они под это заточены. Они для этого и существуют, они для этого и работают. А мы говорим: «Вы знаете, нас это очень удивляет». Ничего не должно удивлять. Кстати, газета «Жизнь» имеет тираж два миллиона по всей стране. Газета «Твой день» ежедневно имеет в Москве тираж 150 тысяч. Интернет-портал «Лайф-ру» имеет 500 тысяч посетителей каждый день.

Вы знаете, как мы на войну попали в Цхинвал? Мы наших русских журналистов не пускаем, нам говорили. Тогда мы купили грузинских офицеров, они нас через грузинскую территорию провезли в Цхинвал, и мы защищали наши интересы там. Потом из администрации президента, из пресс-службы позволили: «Арам, молодец, мы трех твоих журналистов наградим». Я говорю: «Вы бы вместо того, чтобы наградить, посадили бы нас на танки и провезли туда, когда начиналась война». Понимаете? Когда мы купили у грузинских офицеров документы о том, что была заранее спланирована вся операция, мы опубликовали эту информацию. Нам сразу задали вопрос: «А зачем вы это публикуете?» Мы публикуем эту информацию, чтобы Евросоюз знал, все было заранее подготовлено. Все эти миротворцы — они фотографировали наши миротворческие позиции. Мы это все опубликовали, потом материал взял «Первый канал» и озвучил его. Вот здесь господин Пушкин сказал, что не получилось победить нас. Не получилось свалить и государственный строй, и президента, и премьер-министра. Но то, что Запад выиграл у нас информационную войну — это не вопрос, его даже не обсуждают. Еще одно замечание. Все говорят: вот,

западные СМИ, вот, магнат Мердок. А чего не быть Мердоком, когда тебе под контроль государства дают кредитную линию в несколько миллиардов долларов и говорят: «Господин Мердок, все в порядке, вы с нами работаете (с западными правительственными структурами). Покупайте любое СМИ, вопросов нет». Вы думаете, что мердокские издания хоть один раз что-нибудь приличное про Россию напечатали? Никогда в жизни, ни одно его издание. Они все время нас долбили. Вы посмотрите, что делали его «Скай ньюс». Они просто уничтожали Россию. Потому что человеку открыли кредитную линию, сказали: бери миллиарды, кредиты, но ты должен завоевать информационное пространство других стран, ты — бизнесмен. А у нас что делают? Газпром себе делает «Газпром-медиа», Роснефть себе делает «Роснефть-медиа». Кто их туда пустит? Надо создавать нормальные бизнес-холдинги, которые будут нормально работать. Мы можем, я вас уверяю. Я вам говорю, что и в Англии можно иметь наши СМИ, которые будут нормально работать. Мы сделали это на Украине. Ведь какую позицию занимала газета «Жизнь»? Мы не антиукраинскую позицию занимали. Украина — это наши братья, поэтому мы занимали ту позицию, что Украине выгоднее с Россией быть, это ведь правильно? Вот такую позицию занимала газета «Жизнь». Поэтому я считаю, что не надо ругать Запад за информационные войны. Надо просто спокойно готовиться к информационным войнам, вести их и побеждать. Спасибо большое!

УТКИН А.И., доктор исторических наук, директор Центра международных исследований Института США и Канады РАН

Я бы хотел начать с цитаты Уинстона Черчилля. Он говорил (эту мысль он любил и многократно ее повторял), что «я выиграю любую войну по простой причине: именно я первый о ней напишу». И это не шутка. В октябре 1944 года Черчилль поде-

лил Восточную Европу вместе со Сталиным, причем инициатором был Черчилль, а в 1945 году он заявил в Фултоне, что Красная армия поделила Европу на две части. По крайней мере, Черчилль не получал награды за свою информационную работу, а вот недавние откровения Збигнева Бжезинского говорят о том, что очень многие в Соединенных Штатах получили награды за то, что сумели завлечь Советскую Армию в Афганистан. Это тоже была большая информационная кампания, и она окончилась трагически для нас.

Я отчетливо представляю, что присутствующих здесь больше всего волнует главное: как формируется мировое общественное мнение о России? Здесь мне как историку хотелось бы отметить две большие даты. Первое — это то, что тысячу лет назад мы попытались примкнуть к христианскому миру и стали частью христианского мира. А вторая дата тоже очень круглая. 300 лет назад при Полтаве мы стали частью Запада. Мы победили шведов и стали частью Запада. После этого молниеносно подписаны договоры с пруссаками, с поляками — со всеми, с кем угодно. И главное: царь Петр решил, что страна станет частью Запада. Мы хотели быть частью Запада, и вся наша внутренняя информационная битва шла между революционерами и консерваторами, между теми, кто хотел как можно быстрее сделать Россию западной державой и теми, кто стоял на позициях торможения этих процессов.

Это наше страстное желание стать частью Запада информационно было выражено во множестве — я не буду здесь упоминать «Вехи» — самых различных попыток. Русская интеллигенция прежде всего пыталась информационно выиграть эту битву за Россию как западную державу. Эта битва окончилась в январе 1994 года, когда Запад начал расширять НАТО на Восток и когда Запад перестал быть таким другом, каким он виделся между 1985 и 1994 годом. Началась настоящая информационная война. Она проходит везде. Мне неоднократно приходилось видеть, как эта информационная война ведется

на двух соседних этажах. Каждый может посетить студию канала «Аль-Джазира» и студию иранского телевидения. И рядом находится CNN буквально на расстоянии 15 метров. Они подают события в эфир с прямо противоположных точек зрения. Ведется настоящая информационная война за умы и симпатии миллионов, если не миллиардов людей, а в случае с CNN речь, конечно, идет о миллиардах людей. Нам очень хотелось быть частью Запада. Об этом здесь так красноречиво говорил сегодня А. Ципко. Наша интеллигенция готова была выступить против собственной армии, в то время как она вела на Кавказе две чеченские войны. Многое было заплачено за то, чтобы развал Варшавского договора, Советского Союза и все остальное помог нам стать частью информационного и прочего пространства Запада. Не получилось по ряду причин. Прежде всего мы видим в информационном противостоянии с Западом то, что мы иначе понимаем происходящее в этом мире. Мы иначе воспринимаем то, что нам обещает этот мир и каким он будет.

В кратком выступлении довольно трудно что-либо доказать или убедительно изложить, но мне хотелось бы отметить, что 2020 год совсем не так далек, осталось где-то около 12 лет. Именно в этом году четыре страны — Китай, Индия, Россия и Бразилия — произведут столько валового продукта, сколько семь ведущих западных держав. А еще через 10 лет первые четыре страны превзойдут вторые семь стран в два раза. Мы живем в критическое время. В течение 500 лет западной пропаганде легко было вести информационную войну против всего мира, потому что все открытия, все Нобелевские премии, изобретения, сенсации, вся культура и все книги — все это производилось на Западе. Эта эра заканчивается. Наступает другое время, и в это другое время мы начинаем новый период своих отношений с Западом. Мне представляется, что напрасно прозвучали здесь столь критичные выражения по поводу агитпропа, по поводу 70 лет советского строя и так далее. Трудно предста-

вить себе, чтобы к нам в гости сегодня приезжали духовные вожди Запада уровня Фейхтвангера, Уэлса, Анри Барбюса. Они почему-то не едут к нам. А ведь в те времена они посещали Советский Союз, который обладал колоссальной «софт-пауэр». Его знаменем было слово «справедливость», социальная справедливость. И ничто не может заменить этого словосочетания.

Для того, чтобы вести любую войну, контрвойну, контратаку, любого типа боевые информационные действия, прежде всего нужно встать на четкую, твердую почву. А такой почвой является справедливость, социальная справедливость. Иначе говоря, такой почвой должен стать для нас не «золотой миллиард», а его антагонист, то есть те 5,5 миллиардов, из которых 300 тысяч умирает каждый год, а половина живет на 2 доллара в день. Вот эта картина мира должна быть воспринята нами, и на ней мы должны строить свою внешнюю политику, информационную политику. Мы должны чувствовать, что это не перемена картинки, а это то, ради чего люди готовы сражаться, воевать, стоять насмерть, быть союзниками и т.д. Поверьте человеку, который много путешествовал, много видел самых разных информационных явлений. Должен сказать, что в последние годы у нас, конечно, создается «раша-профайл», создаются самые разные возможности выхода на внешнюю информационную арену. Но мы должны представлять себе совершенно ясно, что если мы выходим на международную арену просто как игрок, как один из многих, то мы не имеем никакой твердой поддержки. Мы должны избрать либо социальную справедливость, либо эффективность в экономике, либо нечто такое, ради чего, как говорил в свое время Лютер: «Здесь я стою и не могу иначе». Иначе говоря, выбрать нечто твердое — то, за что сражаются миллионы, что является в мировой политике настоящей ценностью. Вот без этого вести информационную войну или даже оборону, мне кажется, просто бессмысленно. Спасибо!

ЛЕВИЧЕВ Н.В.

Спасибо, Анатолий Иванович! Прежде всего, спасибо за звучание вашего выступления тем идеям, которые положены в основу деятельности и в название нашего института. Именно с такими мыслями, с такими идеями мы будем пытаться этот островок справедливости расширять с тем, чтобы он превратился в целый материк под названием — социальная справедливость. Я бы хотел обратить внимание на то, что мы уже активно пользуемся этим термином — информационные войны, информационная война, но пока никто не дал определения, никто не попытался описать границы этого явления. Наверное, интуитивно понятно, что когда речь идет о дискредитации Саддама Хусейна перед нападением на Ирак, то, конечно, это была информационная война. А когда заходишь в Интернет и читаешь, что глава некоего муниципального образования в ответ на публикацию в местной газете заявил, что против него объявлена информационная война, это, наверное, небольшой перебор. Официальное противоборство всегда, тем не менее, идет по определенным правилам, поэтому всякое ли информационное противоборство можно считать информационной войной?

ПАНАРИН И.С., доктор исторических наук, профессор
Дипломатической академии МИД РФ, академик Академии
военных наук

Прежде всего, я бы хотел поблагодарить вас, Сергей Михайлович, за то, что вы, как одно из высших должностных лиц страны России, уделяете огромное внимание проблеме информационных войн. Выражаю надежду на то, что вы проявите большую целеустремленность и настойчивость в принятии нужных для страны решений. Нам нужно не обижаться на Запад, на США, а нужно готовиться к информационным войнам и в

них побеждать. Как этого добиться? Здесь Н. Нарочницкая хорошую фразу сказала о том, что СССР был детским садом по сравнению с американской мощной пропагандистской машиной. Но сегодня я бы привел такой пример. Мы — первоклассники с точки зрения участия России в информационной войне, а против нас воюют выпускники Гарвардского университета. Почему? «Доктрина информационной безопасности», которая была принята в 2000 году, я был одним из ее разработчиков, в дальнейшем не получила никакого развития.

Здесь А. Пушкин говорил о том, что 15 лет назад, мол, мы не слышали об информационной войне. Ничего подобного, он не прав. Почему? Только 10% американцев в августе 1990 года поддерживали войну против Ирака. Но уже в январе 1991 года их стало 88%. Иначе говоря, за полгода они довели поддержку внутри страны до этих процентов и тогда ударили. Второй момент из 1991 года: CNN в прямом эфире впервые показало кадры бомбардировок Багдада, и после этого они никогда этого не делали. И не делают также и сейчас. Панораму Цхинвали нам показали через 12 дней наши некомпетентные люди, которые не отвечают за умелое ведение информационной войны. Американцы уже в 1992 году приняли специальную информационную доктрину «Информационная война», а в 1998 году специальную доктрину информационных операций. Причем я подчеркну, здесь говорилось о роли Организации Объединенных Наций, о том, что она не играет роли в современном мире и нужны (я согласен с Сергеем Михайловичем) новые информационные миротворцы.

Россия в 1998 году (и я был одним из участников рабочей группы) предлагала в рамках ООН ограничить применение информационного оружия. Соединенные Штаты Америки выступили категорически против этого. И через 2 месяца они принимают доктрину информационных операций. Я подчеркиваю: там есть фраза, что информационные операции могут проводиться не только в военное, но и в мирное время. В 2001 году —

об этом Къезо и Пушкив уже говорили — информационная операция была проведена. Борьба против Югославии — это тоже реализация американской стратегии, в том числе и так называемые «оранжевые» перевороты. Дальше происходит качественный скачок в теоретическом мышлении американцев. 2006 год — принимается новая доктрина. Обращаю ваше внимание, что после Осетии мы вступили впервые в новую фазу реализации глобальной информационной войны. Впервые терминология информационной войны была единой как на Западе, так и в России. Единственный российский политик — Сергей Михайлович Миронов — это уловил. И, слава Богу, что такие политики существуют.

Здесь господин Кемпбелл говорил об имидже России. Я вам приведу официальные цифры. Российское правительство выделяет на российский имидж за рубежом в 130 раз меньше, чем Великобритания. Естественно, что имидж Великобритании будет лучше, чем российский. Финансы прежде всего — это второе ключевое направление. Третье — нормативные документы. У нас нет нормативных документов, кроме «Доктрины информационной безопасности». Нет доктрины информационной войны, нет доктрины информационных операций. И нет структур, способных действовать в кризисных ситуациях. Приведу вопиющий пример, я лично проводил контент-анализ. Три дня с 8 по 11 августа господина Саакашвили показывали на российских телеканалах, — господин Ципко, речь идет о внутренней идеологической безопасности — в полтора раза больше, чем Путина и Медведева вместе взятых. Возникает вопрос: где же у нас государственные чиновники, отвечающие за внутреннюю информационно-идеологическую безопасность? А их просто нет. Есть господин Сурков, отвечающий за внутреннюю идеологическую политику, но за информационную политику никто не отвечает. И возникает вопрос, что у нас вообще нет ответственного человека и нет организационно-управленческих структур, которые бы занимались этим. Проблема требует комментария.

В этих условиях — вот здесь я поддерживаю полностью выступление Къезо — иностранная реклама занимает у нас на телевидении 90% рекламного времени. Мы говорили об этом 18 июня на круглом столе «Свобода информации», тогда Сергей Михайлович поднял вопрос. Так вот, 90% рекламы на российских каналах — это иностранная реклама, которая оплачивается иностранными государствами или транснациональными корпорациями. В критические моменты времени, по сути, идет косвенное управление государственными российскими телеканалами со стороны наших оппонентов.

Что я предлагаю? Нам нужно создать совет по публичной дипломатии во главе с премьер-министром по схеме Национального антитеррористического комитета, куда бы вошли не только представители государственных структур, но и, прежде всего, представители или руководители СМИ — не только государственных, но и частных. Господин Мердок может покупать СМИ где угодно, об этом говорил Арам Габрелянов. Но ведь в Соединенных Штатах Америки, если даже Арам захочет купить какой-то американский телеканал и газету, ему не дадут это сделать. Почему же в России можно иностранцам владеть мощными СМИ и в критических ситуациях этим ресурсом пользоваться в своих национальных интересах? Это также ключевой момент времени.

И, наконец, необходимо создание, как бы я его назвал, информационного антикризисного центра, который бы разрабатывал комментарии к информации. Ведущий Н.В. Левичев говорил о необходимости теоретического определения информационной войны. Я бы ввел такой термин сегодня для экспертов, работающих в России в этой области. Информационная война — это управление информационными потоками в своих целях и необходимость доведения собственных комментариев на принципах справедливости, Анатолий Иванович. Я здесь солидарен. Но мы то были по Осетии абсолютно справедливыми, мы действительно отстаивали честь, свободу, независимость и защиту от гено-

цида народа. Но 16 часов CNN, «Скай ньюс» и другие телеканалы не давали никакой информации о варварских акциях агрессии против Осетии и включились только после того, как российские танки пришли на помощь мирному населению.

Вот здесь я обращаю ваше внимание на то, что впервые, с моей точки зрения, американцы использовали новую трехзвенную систему управления информационной войной. Центр находился в Вашингтоне, который состоял из специалистов Совета национальной безопасности и Государственного департамента, второй центр — в Тбилиси и третий — непосредственный медиа-центр в Гори. Я напому, что Россия не создала своего пресс-центра или медиа-центра во Владикавказе, как я предлагал. Арам Габрелянов и другие патриоты России вопреки отсутствию системы, благодаря инициативе, смелости, профессионализму все-таки пытались действовать. Россия, я подчеркиваю, полностью проиграла информационную войну на западном фронте. Но внутри она выиграла, потому что все-таки у нас была справедливая точка зрения, за нами была правда. Но чтобы победить в этой глобальной информационной войне, нам срочно необходимо создавать мощные медиа-инструменты. Я, прежде всего, обращаю ваше внимание на такой телеканал, как «Евроньюс». Россия — крупнейший его акционер. Но контент-анализ показал, что ни одного положительного слова по этому телеканалу во время этой пятидневной войны не было сказано. Более того, были вопиющие факты, когда шла картинка разрушенного города Цхинвала, а текст шел, что это город Гори после бомбардировок российской авиацией. Вот это и есть информационная война, когда объективная информация подменяется ложной дезинформацией. Наша задача заключается в том, чтобы как можно быстрее создать организационные структуры. Здесь очень важное значение могут иметь политические партии, которые представлены в Государственной Думе, а также бизнес, о котором уже говорили. Российский бизнес должен выходить на международный рынок, но получать кредиты, как сказал А. Габрелянов, от собственного

российского государства, для того чтобы выходить в мировое информационное пространство и излагать свою точку зрения.

Таким образом, я предлагаю создать в системном виде трехзвенную структуру: совет по публичной дипломатии во главе с премьер-министром России, также специальное федеральное агентство по формированию положительной внешнеполитической пропаганды о России. Второе звено — информационный антикризисный центр. И третье звено — система информационного противодействия внешнему давлению.

Господин Ципко говорил о том, что русские легковерны, помните? Но я приведу вопиющий пример, показывающий, что американцы еще более манипулируемы, чем русские. В 1938 году роман Герберта Уэллса «Война миров» транслировался по американскому радио. Через каждые 15 минут диктор говорил, что это научно-фантастический роман. И, тем не менее, вдумайтесь в цифру, 400 тысяч американцев написали письменные заявления в ФБР о том, что они лично видели инопланетян, а десятки миллионов людей в страхе бежали. Но каков вывод был американцев в отличие от нас? Они создали мощную систему противодействия внешним информационным воздействиям, приняв в 1948 году закон «Об информации» и ограничив число акционеров любых американских СМИ до 25%. А у нас 50% акций могут приобретать иностранцы. Более того, такие как «Европа плюс» и другие СМИ — созданы со стопроцентным иностранным участием. То есть мы еще не провели перерегистрацию всех СМИ. Таким образом, защищая свое внутреннее информационно-идеологическое пространство от информационных влияний, прежде всего Соединенных Штатов Америки и транснациональных корпораций, одновременно создавая мощные инструменты информационно-аналитические и организационно-управленческие, мы сможем в этой информационной войне победить. В Абхазии мы победили без единого выстрела в информационной войне на этом локальном фронте, благодаря таким людям, как Арам Габрелянов, кото-

рый смог купить у грузинских офицеров информацию, ее напечатать и все-таки донести правду.

Я сделал бы такой вывод. Теория информационной войны у нас есть и есть люди, которые способны эту теорию материализовать. Осталось только — государственные структуры и деньги. И политическая воля, которой, я надеюсь, хватит у высшего политического руководства страны. Спасибо!

ЛЕВИЧЕВ Н.В.

Полностью поддерживаю Арама Габрелянова, его эмоциональный настрой. Хватит нам плакаться, нужно готовиться к информационным войнам и побеждать в них. Нет большого секрета в том, что любое государство очень серьезно охраняет свое право, свою монополию на насилие внутри страны, но мы видим, что, если говорить о мировом порядке, появились правительства или группы стран, которые претендуют на монополию на насилие в масштабах уже всего мира. В этом смысле, наверное, информационное насилие имеет место сегодня уже в достаточно явном виде.

ФЕДОТОВА В.Г., доктор философских наук, заведующая сектором Института философии РАН

Я тоже очень рада, что приглашена сюда в этот институт. Действительно, в условиях глобализации произошел кризис справедливости в ее старом понимании — в виде социализма, социал-демократии. Капитал устремляется туда, где выгодно, и поэтому общая схема распределительной справедливости сегодня в одной отдельной стране вряд ли работает и она принимает тот всемирный характер, о котором сказал Николай Владимирович Левичев.

В чем причина этих информационных войн? Мне кажется, она состоит в интересах. Я читала много американских статей по поводу интересов, и что меня поразило: коренное отличие от наших размышлений по этому поводу. Мы все время думаем: а в чем наши интересы? Сколько у нас написано на эту тему! Они никогда не обсуждают свои интересы как нечто, что им неясно. Их интересы им абсолютно и совершенно ясны, они обсуждают только то, как добиться удовлетворения своих интересов. Поэтому даже дефиниций таких, как национальный интерес, по крайней мере, мне не попадалось. Мне кажется, что мы выиграли эту войну, потому что мы попали в ту редкую сферу событий, где у нашего общества не возник вопрос о наших интересах и наших ценностях. Это как «Курск», как Беслан. Вот что сплотило наше общество, это понимание того, что иначе нельзя. Это очень важный фактор победы в информационной войне. Если бы у нас началась внутренняя информационная война между своими, я думаю, победа не была бы столь убедительной.

Например, в 1915 году во время Первой мировой войны фон Нейман написал книгу «Срединная Европа», смысл которой был такой: кто не хочет быть с Россией, можете быть с нами, с Германией. Это был шанс для Украины и других стран присоединиться, переориентироваться на Германию вместо России. В конце 80-х годов прошлого века немецкий историк Карл Шлегель написал книгу, которая тоже называлась «Срединная Европа», но в 1995 году он страшно стыдился, что ее опубликовал. Он попытался ее изъять у всех, кому подарил. Ему тогда казалось, что глобализация совершенно лишает страны территориальных интересов и геополитических амбиций, поскольку товары, капиталы, информация и потенциально люди могут свободно перемещаться. Что же произошло? Почему сегодня американцы говорят: если вы не хотите быть с Россией, вы можете быть с нами? Мне кажется, это произошло по следующей причине.

Когда-то в начале глобализации Киссинджер сказал, что начинается не глобализация, а американизация мира. Он вос-

кликнул «волк!» еще до того, как волк появился. Сейчас мы действительно имеем американизацию вместо глобализации, и неоконны очень жестко поддерживают этот тезис, говоря, что Европа против американизации, потому что она сегодня не имеет сил. Когда она была сильной, она тоже была готова захватывать мир. Пожалуй, впервые за 50 лет мы можем вновь вспомнить работу Райта Милса «Властвующая элита». Все вернулось на позиции, когда совершенно ясно и четко прослеживаются геополитические интересы. Может быть, когда Запад воевал с коммунизмом, он действительно не понимал, что и у него есть геополитические цели и осознал их только после нашей собственной дури — такой, как развал Советского Союза и распад коммунизма? Я не думаю, что это был «управляемый хаос», который приписывают Стивену Манну, или что-то подобное. Мне кажется, это наша собственная дурь позволила Западу влезть к нам именно в такой именно форме. Что же делать? Мне кажется, что мы должны найти собственный консенсус по поводу базовых интересов и базовых ценностей, сделать прочными конвенции, которые мы здесь достигнем. Многие говорят: а как это сделать? Жизнь теперь другая.

Феноменологи совершенно блестяще и точно описали, как это делается. Вначале — типизация. Отделим плохое от хорошего. Не будем помещать человека в такой мир, где все дозволено. Толерантность — как иммунодефицит, в медицине это отсутствие реакции на вредные воздействия. Потом — хабитуализация, то есть «опривычивание» этого полюса хорошего. Затем — институционализация, то есть превращение его в силу привычки, в нормы общества. И затем — легитимизация и передача следующим поколениям. Если бы наше телевидение занимало такую позицию, тогда все, что нас разрушает и что нам мешает, не стало бы объектом информационного нападения, более того, оно могло бы и не произойти. Массовый человек сегодня характеризуется не так, как говорил Ортега-и-Гассет, что «фабрика его выплевывает массово — среднего, серого, го-

тового к фашизму». Сегодня это люди, которые никогда не видели друг друга и которые сформированы телевидением. Для чего телевидению нужен такой человек? Для чего нужен серый и пустой человек, легковёрный, готовый воспринять все, что ему навязывают? Как часть его бизнеса. Потому что оно используется для пропаганды потребления. Я тоже соглашаюсь с ранее выступавшими участниками по этому вопросу. Познер откровенно говорил, что нам нужна на телевидении реклама как средство воздействия на массы людей. Имидж России может быть восстановлен только через прецедентную, так называемую феноменокультуру, когда Россию в мире знают по литературе, искусству, балету, театру, победе в войне, когда вспоминают «софт-пауэр» советского времени и т.д.

Последнее, что я хочу сказать. Мы имеем поле не только для войны, но и поле для диалога. Причем я совершенно далека от всяких фантазий насчет диалога, которыми забита наша литература, что дело, мол, в диалоге. Вот начнем вести диалог с кем угодно и все получим. Даже в когнитивном смысле диалог не ведет к истине, но диалог может вести к компромиссу. Мы должны иметь самоуважение и собственное понимание того, чего мы хотим. А в диалоге пусть каждый понимает, что он, нападая на нас с информационными или другими требованиями, не может достичь того, чего хочет целиком, а может только достичь некоторого компромисса по некоторым вопросам. Тогда диалог — это действенная коммуникативная форма, и мы, говоря о войне, я думаю, не должны такую ее форму отрицать. Спасибо!

ЛЕВИЧЕВ Н.В.

Уважаемые коллеги, нам всегда в каких-то — даже самых примитивных — ситуациях хочется найти глубокий символический смысл. Вот я обращаю ваше внимание на то, что сегодня в коридоре по пути в этот зал была представлена неболь-

шая экспозиция советского плаката времен холодной войны, а здесь, в этом зале на стенах мы видим элементы современной информационной войны — это уже западные карикатуры на ситуацию вокруг Южной Осетии. И я обратил внимание на то, что после каждого последующего выступления нашего оратора одна из этих картинок падает. Поэтому, может быть, не зря мы здесь сегодня собрались. К чему я клоню? Что для того, чтобы вступать в войну, нужно прежде всего, наверное, взвесить свои силенки, посмотреть, какими ресурсами мы располагаем для того, чтобы ответить на мощный удар противника.

ЛЕВИН Л.Л., председатель Совета некоммерческого объединения «Новая политика», президент коммуникационной группы «Тайный советник»

Добрый день! Мы здесь с Игорем Николаевичем сейчас обсуждали, как идет наш круглый стол. Прежде всего, не могу не отметить, Николай Владимирович, Ваше опытное модераторство сегодняшнего круглого стола. Вы очень грамотно сочетаете выступления идеологические и практические. Я тоже как практикующий человек хотел бы остановиться на практической стороне информационных войн. Здесь уже приводились некоторые высказывания известных людей, я тоже хотел бы вначале привести цитату французского социалиста Жоржа Клемансо, известную, наверное, всем: «Война — слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее генералам».

Если мы говорим об информационной войне, то это слишком серьезная вещь, чтобы перекладывать ее бремя исключительно на плечи политиков. Здесь, кстати, уже на эту тему говорилось, что практически первые два лица нашей страны после 8 августа вели всю информационную работу. Поле информационных сражений должно принадлежать профессионалам, особенно когда речь идет об интересах страны и тем более, если на карту по-

ставлено будущее человечества и вся формирующаяся на наших глазах геополитическая карта XXI века. Безупречные с политической и правовой точки зрения действия России на Кавказе привели нас к большему, чем ожидалось, осложнению отношений с Западом. И не только потому, что мы впервые за много лет жестко ответили на заокеанский вызов, но и по той причине, что мы оказались не готовы к гибкому реагированию на информационные угрозы. Если мы хотим оставаться честными сами с собой, то нам придется признать очевидный факт: в информационной войне с Западом мы пребываем пока в состоянии глухой обороны. В этом смысле сладость наших военных удач разбавлена горечью непонимания нашей позиции на Западе. Арам Габрелянов приводил слова нашего премьера: «меня так удивило, как западные СМИ отреагировали на нас».

Почему мы не могли начать информационную кампанию одновременно с военной? Почему оказались не готовы действовать в информационной сфере так же эффективно, как действовала в Южной Осетии 58-я армия? Кто-то может на это ответить, что развитие событий было слишком стремительным, что никто не ожидал войны во время Олимпийских игр и т.д. Такие доводы трудно признать убедительными. Саакашвили уже много лет подряд обещал решить вопрос мятежных провинций силовым способом, обстановка вокруг Южной Осетии и Абхазии не первый день была накалена до предела. Почему же тогда в дополнение к мобилизационным планам, лежавшим в сейфах штабов наших армий, не существовали и не существуют сегодня планы отражения информационной агрессии? Ведь потери в информационных войнах иногда оказываются не менее серьезными, чем понесенные в реальных войнах. Напротив, внятное и своевременное разъяснение своей позиции, хорошо поставленная пропаганда могут принести весомые результаты и на поле боя. Достаточно вспомнить пропагандистскую машину времен СССР — правильно поставленная информационная работа вербовала нам сторонников по всему миру.

Конечно, сейчас иные времена, но задача поддержания информационного паритета в мире стоит сегодня так же остро, как и сохранение баланса военных арсеналов в конце XX века. Новая роль России в мире делает для нас непозволительной роскошью пренебрежение информационной составляющей как политики, так и войны. Информационные ресурсы сегодня — это ресурсы стратегического назначения, не менее важные, чем силы ядерного сдерживания. Третья мировая уже идет на экранах телевизоров, на газетных страницах, в Интернете, в головах и сердцах людей. Поэтому сегодня нам нужны не только военные базы, но информационные форпосты в ключевых регионах мира, как в виде постоянных представительств в Вашингтоне, Лондоне и Брюсселе и других мировых центрах принятия решений, так и в форме «сил быстрого развертывания», «информационных десантов» в главных западных столицах, работающих в периоды кризисов. Работать в таких структурах должны лучшие, опытнейшие и самостоятельно мыслящие специалисты, ведь успех современной информационной кампании определяется быстротой и точностью предпринимаемых действий, а не количеством «солдат» и глубиной «оборонительных линий».

В то же время нельзя не отметить, что у нас уже есть чем ответить на вызовы жесткой геополитической борьбы. В ходе кавказского кризиса отлично работал телеканал «Раша тудэй», хорошо справлялось со своими задачами РИА «Новости». И главное. За последние 15 лет в России появились пиар-структуры, способные влиять на общественное мнение не только у нас дома, но и на Западе. Благодаря необходимости продвигать за рубежом крупный отечественный бизнес, ими освоены передовые технологии воздействия на мировое общественное мнение. В этой области мы уже почти не отстаем от американцев. Только вопрос: почему ни одна из профессиональных ассоциаций пиар-рынка не предложила государству помощь в трудную минуту? Я уверен, что члены союза крупнейших игроков пиар-рынка — тот же АКОС (это Ассоциация компаний, работающих в области общественных свя-

зей) или РАСО (Российская ассоциация связей с общественностью) — могли бы объединить свои усилия и провести за рубежом пиар-кампанию в поддержку действий России на Кавказе, причем не потратив на нее ни копейки бюджетных денег.

Такая помощь стала бы естественной формой социальной ответственности пиар-бизнеса перед обществом. Лоббист Саакашвили в Вашингтоне Рэнди Шейнеман (он же пиар-консультант Джона Маккейна) всего лишь воспользовался нашим бездействием и своей близостью к кандидату в президенты от республиканцев. Он просто первым завалил журналистов разнообразной и хорошо подготовленной информацией с грузинской стороны, в то время как из Цхинвала мировые СМИ не могли получить даже приличной телевизионной картинки. Мы не можем винить власть в том, что она не отобилировала российскую пиар-элиту и не задействовала ее на идеологическом фронте кавказской войны. В конце концов, она решала более важные задачи — спасение жизни людей и ликвидацию угроз национальной безопасности, но почему руководители пиар-сообщества сами не ставят вопрос об информационной поддержке России на мировой арене перед лидерами политических партий, в Государственной Думе, в Кремле?

Достаточно обратиться к опыту наших западных партнеров, чтобы понять: государства Запада активно используют в международной идеологической борьбе частные пиар-структуры. Это эффективная и общепринятая практика. Если мы признаем тот факт, что информационная третья мировая война уже в полном разгаре, то нам придется согласиться и с тем, что сегодня проблема наших неудач кроется в штабах, а точнее, в их отсутствии. Все, что мы пока делаем, это отвечаем партизанскими вылазками на действия регулярных и хорошо обученных частей. Не пора ли мобилизовать все существующие ресурсы, назначить достойное командование и ответить противнику адекватно — так, как и должна отвечать на любую агрессию страна, носящая имя «Россия». Спасибо!

НАВОЯН Ю., председатель партии «Дашнакцутюн» (Армения)

Во-первых, я хочу поблагодарить за приглашение, потому что тема конференции близкая для нас. Те проблемы, с которыми Россия столкнулась во время последних событий, Армении хорошо знакомы по примеру другого конфликтного региона — Карабаха, который в геополитическом смысле находится в зоне влияния России. События в Южной Осетии показали, что информационная война способна не просто выполнять тактическую функцию оружия поддержки, но и способна превращаться в стратегическое средство, прямо влияющее на международные политические расклады.

Армения непосредственно находится в регионе, где сейчас усиливается геополитическая жесткая борьба с применением методов информационного противоборства. Хочу заметить, что политическое поле Армении в последнее время подвергается массовой информационной диверсии. Цель этой диверсии — заставить политические силы Армении и армянское общество отказаться от стратегического партнерства с Россией. Это очень серьезный вызов, и многие политические силы, в том числе партия «Дашнакцутюн», которая представлена в парламенте, предпринимают, естественно, шаги, чтобы противостоять этим новым вызовам. Конечно, эффективным средством может стать армянская сетевая структура, диаспоральная сетевая структура армянских организаций.

В этой связи я уполномочен сделать очень конкретное предложение. Очень радует, что после последних событий в России делаются очень серьезные выводы и предлагаются разные модели, которые будут обеспечивать влияние России во всем мире. К примеру, И.Н. Панарин, который является моим преподавателем, деканом в Дипломатической академии, сделал ряд конкретных предложений, и я хочу с нашей стороны сделать конкретное предложение о сотрудничестве. Важно иметь в виду, что сетевая структура армянских диаспор, которые имеются в бо-

лее чем 30 странах, очень эффективно действует в течение многих десятков лет, например, она имеет свои СМИ. Перед конференцией я специально связался с многими представителями диаспор — от Канады до Австралии — и все они единогласно высказались за более тесное сотрудничество с Россией. Хочу сказать, что симпатии не только Армении, но и всей армянской диаспоры находятся на стороне России, на стороне осетинского и абхазского народов. Армяне по своей жизни знают, что такое геноцид, на примере борьбы карабахского народа знают, что такое борьба за самоопределение, и на своем опыте знают, что такое правдивая информация о реальной борьбе и что такое дезинформация. Еще раз хочу поблагодарить за приглашение. Спасибо!

ТАРЛО Е.Г., член Комитета Совета Федерации
по конституционному законодательству

Уважаемые организаторы, уважаемый Сергей Михайлович! Прежде всего, спасибо за то, что вы, наконец, привлекли внимание общества к той колоссальной проблеме, которая давно нас волнует. Надоело быть униженным и оскорбленным в своей собственной стране. Уже много лет мы — я уже не говорю про настроение, которое мы испытываем на Западе — мы в собственной стране чувствуем свою виновность перед кем-то. Нам постоянно вдалбливают чувство вины. Происходит какое-то смешение ценностей. Вы включаете «говорящий ящик», и оттуда кричат, нас заставляют еще что-то купить, еще что-то съесть, еще что-то выпить. Я переключаюсь на другой канал, я хочу услышать, что происходит в мире, что у нас приняло правительство, а на нем то же самое. Более того, скоординированно по всем основным программам идет одновременно одна и та же реклама. Что это, как не сговор? Когда идет реклама, ты бросаешься, чтобы уменьшить громкость, но и громкость уменьшить не получается, потому что она уже задана. Можно выключо-

чить, но потом непонятно, когда включить, когда можно вернуться к нужной передаче и т.д. Для чего эту рекламу дают? Нам говорят: для того, чтобы сделать красивый эфир. А что они снимают? То, что они снимают, еще хуже этой рекламы.

Я не уверен, что нам нужно такое огромное количество телеканалов, которые паразитируют на общественно значимых ресурсах. Ведь частоты, которые им предоставляются, — это общественно значимый ресурс. У нас есть доля государства в государственном канале. Ну, хотя бы на государственном канале мы имеем право видеть что-то интересное и получать информацию, которую мы могли хотя бы нашим избирателям донести? Я уже не говорю об информации, когда ты находишься за рубежом. К сожалению, у нас сложилась такая ситуация, что нас оболванивают из-за рубежа, в том числе — с помощью наших же средств массовой информации. Но мы, даже члены Федерального Собрания, получаем информацию из кастрированных телеканалов или из этих — как их называют — таблоидов. Где у нас газеты, где журналы? У нас есть таблоиды и вот эти говорящие ящики, которые нас заставляют съесть «биг-мак», выпить пива и т.д. Я никогда не покупаю то, что они рекламируют. Я не могу, мне это неприятно. Но появилось целое поколение, которое стало рабом всей этой рекламы. Его заставляют покупать, пить, есть. Что это, как не зомбирование? Уже появились жертвы информационных войн. В юриспруденции есть понятие виктивности жертвы, когда жертва сама вызывает насилие в отношении себя. Так что ж мы сами из себя делаем жертв.

Да, действительно, информационные войны существуют, и мы, к сожалению, должны констатировать их реальность. Войны существуют горячие, как во время горячих конфликтов, но постоянно уже как минимум 20 лет идет «холодная» информационная война, которая заключается, в том числе, в массовой рекламе и в насаждении чуждых русскому народу ценностей. Да, чуждых любому человеку нашей страны! Здесь уже говорил Джульетто Кьезо о том, что они тоже не могут понять, что же

вообще происходит, куда катится человечество? Эти расплывшиеся люди, поедающие «биг-маки», это общество потребления — съедим больше, проедем дальше. Нам раньше внушали — русский народ талантлив. Теперь нам говорят: самая высшая ценность — это потребление. Появились миллиардеры, которые поразили весь Запад тем, сколько они могут потратить. Яхта — самая лучшая в мире, не одна — много, на пальцах рук не хватает. Яйцо — такое, как у Фаберже, самое дорогое. Все самое дорогое, самое лучшее и так по всему миру. Если уж покупать футбольный клуб, то какой там «Спартак»? Берем «Челси»! Зачем нам эти «Спартаки», «ЦСКА» и все остальное. Все самое лучшее, самое дорогое, а для чего? Потешить себя любимого — вот их образ жизни.

Очень хорошо, что эта конференция проходит в стенах института «Справедливый мир». В розданной нам книжечке приведены глубоко верные слова Сергея Михайловича Миронова: «Под справедливостью мы понимаем создание таких условий, когда экономический рост подчинен росту благополучия человека». Информационная диверсия в нашей стране произошла, я так вспоминаю, наверное, при Горбачеве, когда он сказал: что есть самое главное? Повышение благосостояния. У него было благосостояние, здесь — благополучие. Благосостояние — это когда можно много съесть, купить, потратить. А благополучие — это справедливое устройство мира, это порядок в семье, дома, это справедливое устройство общества, государства, это нравственные, духовные основы жизни, это здоровые дети, хорошая экология, хорошая работа, интересные друзья и интересные фильмы. Вот что такое благополучие человека, а совсем не то, чтобы можно было все больше и больше потреблять. Но у нас мало кто об этом говорит, хотя все это великими русскими мыслителями давно было осознано, прописано, и только сейчас мы потихонечку начинаем печатать, например, И. Ильина. Все эти мысли надо печатать, преподавать в школе.

Человек — это человек разумный. Человек потребляющий — это противно естеству человека. Потребление не долж-

но стать смыслом жизни, человек потребляющий вымрет, он неконкурентоспособен, он не сможет выжить. Нам нужно думать о других, высших ценностях. И через информационное пространство доводить их до людей, они будут восприняты людьми, потому что это будут истинные ценности.

Еще одно небольшое замечание. Много говорилось об информационных войнах, о специальных органах, спецоперациях и т.д. Ну, не хочу быть солдатом информационной войны. Есть специальные службы, пусть они проводят то, что нужно и кому нужно. А мы хотим просто получать правдивую информацию о том, что у нас есть, смотреть по телевидению то, что хотим, а не то, что нам навязывают, одним словом, не быть винтиками в информационной войне. Если кто-то, какие-то абсолютно аморальные люди в Америке сказали, что наши спецслужбы взорвали дома на Варшавском шоссе, то я никогда бы не подверг, не имея бесспорных фактов, сомнению 11 сентября — трагедию мирового масштаба. Мне Америка не враг, я думаю, каждому из нас не враг. Конкурент — да. Но не надо поступать так: если с их стороны — пуля, с нашей стороны тоже — пуля. Если они сказали глупость или неприятность, то мы не должны делать то же самое. Спасибо!

АДИЛОВА Л.Ф., доктор политических наук, заместитель директора Центра по изучению стран постсоветского зарубежья Российского государственного гуманитарного университета

Война в прямом эфире

«Широк русский человек. Я бы сузил».
Ф. Достоевский

Становление в Грузии диктаторского режима с нарастающим присутствием США завершено. Агрессия против Южной Осетии, истребление мирного населения являются не просто

подавлением иного национально-культурного сообщества, а циничным использованием новых технологий разрешения этнополитических конфликтов — попыткой присоединить «мягкую» территорию без населения. Удивляет чудовищное падение общественной нравственности как внутри Грузии, так и за ее пределами. Трудно поверить в то, что хорошо образованные грузины, сделавшие себе не только имя, но и солидные состояния в России, не понимают сути происходящего. Интеллектуальная элита Грузии подготовила почву для восприятия националистических идей М. Саакашвили, в свою очередь велико разрушительное влияние его личности на грузинский социум. Парадоксально, но и успешные грузины, «люди престижа», являющиеся «ключевыми коммуникаторами», не смогли разобраться в смысловой сущности режима и своим влиятельным мнением стимулировали агрессора.

«Ключевые коммуникаторы», как правило, своим влиятельным мнением способны ликвидировать межнациональные расколы, взаимное недоверие и неприятие друг друга в прошлом породненных народов. Какие конкретно инструменты для снятия напряжения в российско-грузинских отношениях могли быть задействованы при их непосредственном участии. В первую очередь, введение в коммуникативное поле «людей престижа» — это Зураб Церетели, Вахтанг Кикабидзе, Сосо Павлиашвили и др., известные и влиятельные в России грузины. Однако их личные, жизненные интересы оказались важнее абстрактной поддержки России. И это понятно. Для многих из них Россия не родная страна, а всего лишь «территория свободной охоты» за именем и состоянием. Кстати, на так любимом ими Западе «ключевые коммуникаторы», к коим они относятся, тщательно «прикармливаются» властью, которая особенно в период кризиса прибегает к их интеллектуальным услугам.

В целом, такая коммуникативная инженерия выражает не только стремление власти опереться на различные целевые аудитории, донести до них свое понимание сути происходящих

процессов, неоднозначно трактуемых как в Грузии, так и в России, но и как эффективный способ работы с массовым сознанием по выполнению антикризисной миссии. Думается, что национальные элиты Грузии, основные интересы и жизненные стратегии которых связаны с США, хорошо усвоили информационно-психологические технологии по сопровождению военной кампании. Если забыть на время о «садомистской» морали режима Саакашвили, можно заметить грамотное PR-сопровождение агрессивных действий, актуализацию и эффективное продвижение смоделированного образа «маленькой, демократической Грузии», пострадавшей от большой и могущественной России. Американский агитпроп, массированно обрабатывающий массовое сознание своих граждан, сделал достоянием грузинского истеблишмента технологии управления массовым сознанием, направленной на внедрение в него «на скорую руку» смоделированной новой идентичности Грузии через систему символов, знаков, ритуалов, слоганов.

Кстати, эту новую идентичность с воодушевлением принял не только «толерантный» народ, но и его brutальный лидер. Грузинскому народу явно не повезло. Слабый эксцентричный политик, надутый и раскрученный технологами, привел страну к катастрофе — и не только экономической, геополитической, но и нравственной, которую ему не простят будущие поколения. Он разрушил историческую память, смысловую сущность дружбы русских и грузин, кардинально изменив отношение к ним как к народу, допустившему геноцид, этнические чистки и не обуздавшему бесноватого лидера, посягнувшего на вековую искреннюю симпатию народов. Нередко можно услышать, простой народ не виноват, ответственность несут элиты, не только властвующие, но и интеллектуальные, влияющие на общественное сознание. Возможно, однако, по мнению аналитиков, драма грузинского народа была predetermined. Грузинская история дает примеры удивительной повторяемости событий, воспроизводимости неумных авантюристов, в силу своих мо-

ральных особенностей приводивших страну к национальной катастрофе, уничтожавших ту главную смысловую составляющую, которой были соединены наши народы. Достаточно было режиму для этнизации политики и собственной легитимации найти образ врага, градус в отношениях между Россией и Грузией начал постепенно повышаться, и вскоре он дошел до критического уровня, открыв для нас образ новой, конфронтационной реальности.

Ситуация складывалась точечно и быстро развивалась. Логика развития предполагала молниеносное использование латентно накопленного протестного потенциала, социальных и национальных патологий. Давайте вспомним, как загоралась булгаковская «нехорошая квартира». Кот Бегемот, конечно, поливал стены бензином из примуса, но бензин-то вспыхнул сам собой, и беспристрастный автор считает необходимым подчеркнуть: «загорелось как-то необыкновенно быстро и сильно, как не бывает даже при бензине». Так и в нашем случае, исподволь складывалось впечатление, что государство становится открытым и демократичным. Однако страна с сильными патриархальными традициями, не решив многих задач классического модерна, оказалась перед испытаниями новыми целями. Грузинская политическая культура имеет гетерогенный характер, соединяя в себе Восток и Запад. В обществе, скованном традициями, частично отягощенным национализмом, накопилось избыточное количество индивидуальной энергии. Когда она достигла критической массы, общественное равновесие нарушилось. Сколько лет еще придется исправлять, а скорее лечить, нарушение сформированного при социализме неадекватного самовосприятия иждивенческого, но в то же время отягощенного завышенной самооценкой, высокомерного сознания собственной исключительности, пока неизвестно. Обрести устойчивое состояние грузинский социум, который в системе этнических координат русских ведет себя «как добра не помнящий, а, стало быть, не по-людски», может лишь на новом уров-

не, пройдя через внутреннюю культурную и нравственную трансформацию. Демократические стандарты служат лишь дымовой завесой для достижения главной цели ведущих субъектов политики — создания мировой структуры управления геополитическими процессами. На Западе уже существуют достаточно изощренные представления о принципах глобального управления в XXI веке. Думается, что к ним относится и концепция «управляемого хаоса», разработанная одной из авторитетных американских «фабрик мысли».

По мнению экспертов, геополитическую сущность концепции «управляемого хаоса» можно сформулировать следующим образом. Руководствуясь идеей сохранения глобального лидерства, «единственная сверхдержава» вынуждена удерживать тот или иной регион мира в таком состоянии, когда расположенные в нем государства утрачивают способность контролировать собственные ресурсы, наличные силы и адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы. Соответственно, правительства таких стран будут нуждаться в постоянной внешней поддержке. По своим практическим последствиям это равносильно военному поражению или «бархатной оккупации». Марионеточные режимы, пришедшие к власти после бархатных революций, в определенном смысле часть стратегического дизайна, «опорные площадки» выстраиваемой США системы управления международными процессами. Можно согласиться с А. Неклессой: «привычная стратегия сдерживания (устрашения) заменяется доктриной упреждающих ударов». При этом следует отметить, что продолжением упреждающего удара по Южной Осетии является проведение беспрецедентной информационной кампании против России в грузинских и зарубежных СМИ.

Растущее влияние глобальных СМИ является взрывоопасным, так как создает линию разлома между Россией и Западом и свидетельствует о «могущественном резерве глобальной демократии» — информационном ресурсе, способном подменить

понятия и фактически изменить смысл и логику происходящего: из агрессора сделать жертву, из жертвы агрессора. И таким образом усилить накал противоречий, ужесточить формы борьбы, подталкивающие в бездну отчужденности и неприятия друг друга.

Националистически ориентированный глава Грузии, утратив здравый смысл, упрямо руководствуется эгоцентрической алогичностью. Активная поддержка такой политики со всей очевидностью свидетельствует об усилении этнонационалистического сознания, камуфлируемого демократической риторикой, что и ведет массовое сознание страны к катастрофическим травмам.

Обращает на себя внимание еще один аспект проблемы. Несмотря на массированную информационную обработку массового сознания, «технологи» совершили типичную ошибку — уже через незначительный отрезок времени аудитория отреагирует на пропаганду СМИ прямо пропорционально затраченным усилиям. Технологизм и безнравственность медиа привели к тому, что производство информационной продукции ограничивается конъюнктурной тематизацией событий, сужающих выбор альтернатив. Следовательно, медиа структурируют реальность точно так же, как сервируют стол в ресторане в соответствии с меню. Граждане выбирают только то, что принято в данном контексте. Контекст происходящего конфликта был создан в соответствии со стилистикой Голливуда и является результатом специализированной обработки информации. Это и целенаправленное замалчивание информации о начале военной операции (событие как бы не существует, если оно не освещено в СМИ); это и удобные для просмотра бит-новости, сообщения с места событий только на английском языке с территории собственно Грузии, а также сенсационные первостраничные публикации, вызывающие возмущение действиями России. Следует обратить внимание на семантическое направление информационной войны против России, которая меня-

ет значение слов, текстов и дискурсов, что чревато не только искажениями, но и игнорированием объективно-исторического содержания информации в СМИ о России, увеличению линии разлома между Россией и Западом.

Однако когда политика с помощью СМИ переводится только на язык символов и мифов, она стирает границы между эмпирической и виртуальной реальностью. Многочисленные голливудские картины, как, например, «Матрица», помещают своих героев в мир технологий и в ситуацию постоянного выбора, где они оказываются заложниками мира технологий. Эффективно противостоять «дьявольскому технологизму» может только тот, кто сам мастерски владеет технологиями и ориентируется в новой реальности.

Однако — будем оптимистами.

ШУЛИН С., второй секретарь Севастопольского горкома Социалистической партии Украины, член Политсовета СПУ (Украина)

Уважаемые коллеги! Актуальность информационного воздействия на общество хорошо показана всеми выступавшими передо мной. Но для того, чтобы эффективно работать на этом поприще, нужно, безусловно, проанализировать все, что происходит, и создать свою систему и структуру. В современных условиях информационное влияние играет ведущую роль в выборе направления развития социума, определяет его структуру и этапность развития. Здесь политтехнологами уже наработан солидный багаж схем и методов воздействия на массовое сознание. Они успешно апробированы и активно применяются на практике.

Но основным условием успешности воздействия подаваемой информации является доверие слушателя, то есть основной массы обывателей, в своей совокупности так или иначе

формирующей общее информационное поле или общественное бессознательное. Людям по природе свойственно верить во что-либо или кому-либо, потому что мы являемся общественными сущностями. В результате синтеза информации как вектора движения и веры как энергии движения мы получаем развитие социума в том или ином направлении. В этих условиях чрезвычайно важную роль играет факт: а кто и на основании каких критериев формирует информационное поле? А главное, какую ставит перед собой цель и какую несет за это ответственность? Недаром «Справедливая Россия» говорит о нравственном социализме. Кстати, не все понимают — вот я столкнулся с тем, что на Украине не все понимают понятие «нравственный социализм», почему именно у него такая основа.

В ракурсе сегодняшней темы становится очевидным, что цель информационного воздействия должна основываться на какой-то нравственной базе, безусловно. К сожалению, в Украине сейчас все политики являются не системными, а скорее популистскими. Они играют на короткой волне. А об ответственности вообще не идет речи. Просто не существует действующей структуры и механизма ее реализации. В этих условиях мы видим одним из возможных путей и вариантов выхода из кризиса формирование высокоответственных и высокообразованных национальных элит. В этой связи необходимо создание школ современной политики, а также формирование информационных площадок, подобных той, на которой мы с вами сейчас находимся, в различных регионах. Россия не сможет победить в информационных войнах только на своей территории. Безусловно, важнейшим геополитическим направлением ее деятельности должно являться постсоветское пространство.

Кроме эффективного обмена информацией и формирования общих интересов на этих информационных площадках нами выработана практическое предложение, сформирован пакет мер по организации в Севастополе учебного центра. Почему Севастополь? Он может явиться тем мостиком между Рос-

сией и Украиной, который сейчас, к сожалению, в популистских целях используют политики. К сожалению, получается не очень хороший резонанс среди населения, когда они понимают, что ничего реального за высказываниями о возвращении Севастополя в России эти политики, которые об этом говорят, не стоит. Нужна системная работа, системная. Вот эти информационные площадки, которые мы можем и должны создавать в регионах, могут дать необходимые условия для решения конкретных проблем.

Наша партия разработала проект южного национального учебного рекреационного центра, местные наши предприниматели идут на поддержку этого проекта, который может стать пилотным проектом для других регионов. В дальнейшем этот центр может быть встроен в глобальную систему такого рода центров по формированию новых политических региональных элит, а также по разработке новой идеологии развития общества, идеологии созидания вместо идеологии потребления. Эти центры должны также оказывать влияние на формирование учебных программ для школ и вузов, так как чрезвычайно важно формировать у молодежи аналитическое мышление, основанное на обширной образовательной и информационной базе. Как говорил здесь профессор Кемпбелл, люди, особенно молодежь, сегодня неспособны формировать свою позицию. Они выступают, к сожалению, как передаточное звено и только. Конечно, управлять высокообразованным обществом на несколько порядков сложнее, чем потребительским обществом, люди которого требуют лишь хлеба и зрелищ. Но проводимая нами работа явится тем фактором, который будет способствовать приходу в политику ответственных высокообразованных системных специалистов.

Хочу проинформировать присутствующих коллег о том, что Социалистическая партия Украины приняла недавно свою новую программу, которая называется «Справедливая Украина». Программа созвучна с программой вашей партии и с основны-

ми целями института «Справедливый мир». Это говорит о том, что мы действуем в одном направлении, что у нас близкие позиции и мы можем вместе достичь важных положительных результатов. Благодарю за внимание!

БУХАРИН Н.С., старший научный сотрудник Института проблем управления им. В.А. Трапезникова

Уважаемые коллеги! Я здесь представляю Институт проблем управления Российской академии наук, редакционную коллегию и коллектив авторов журнала «Информационные войны». Этот журнал издается Российской академией наук и Центром проблем стратегических ядерных сил Академии военных наук. Этот журнал является площадкой для исследования фундаментальных и прикладных проблем информационных войн. Редакционная коллегия также уделяет большое внимание обмену опытом по итогам реализованных проектов. На базе журнала издается серия книг под общим названием «Социальные и политические технологии». Теперь по существу проблемы.

До 2005 года политический пиар был процветающим бизнесом, а политтехнологи и политконсультанты представлялись некими небожителями, решающими судьбы Отечества. Но когда губернаторы стали назначаться — а события на Украине продемонстрировали системный кризис в данной сфере знаний — этот сектор услуг оказался в кризисе. Причиной кризиса явилось отсутствие теории информационных войн и пренебрежение этой теорией пиар-компаниями. Но теории пишутся по-разному. Теория может быть написана, а потом (как это часто бывает) ей ищется приложение. Чаше же бывает наоборот: сама жизнь заставляет разработать теорию. Так было в нашем случае. Мы начинали нашу деятельность с участия в арбитражных судах, где отстаивали деловую репутацию министерств и ведомств, публицистики, пытаясь выступать с опровержения-

ми, а также участия в дискуссиях на международных симпозиумах и конференциях. Это не было эффективным. Но с опытом приходило понимание этой грандиозной проблемы, выявлялись закономерности и механизмы информационных войн. В результате была создана теория. Теория эта изложена в нескольких монографиях.

Суть этой теории изложена в двух монографиях, которые я вам продемонстрирую сейчас. Первый том — это «Информационные войны в бизнесе и в политике. Теория и методология» и вторая книга «Методы и технологии информационных войн». То есть теория доведена до методик, алгоритмов, инструкций. Скажу свое мнение: невозможно вести информационную войну без теории. Это невозможно и нелогично. В итоге 15-летней работы помимо теории было разработано несколько десятков методических документов и реализовано множество проектов, в которых использовались технологии информационных войн. В качестве заказчиков, в частности, выступали Министерство обороны Российской Федерации, Российское агентство по боеприпасам (ныне — Федеральное агентство по промышленности), Российское космическое агентство, ряд региональных администраций и частных компаний. Работы по заказам федеральных министерств и ведомств, как правило, связаны с управлением конфликтами, складывающимися вокруг крупных инвестиционных проектов. В данных конфликтах участвуют три стороны: федеральный центр, региональные власти и общественные организации, финансируемые через неправительственные фонды Госдепартаментом США. Каждая из сторон в конфликте преследует свои цели. Федеральный центр прежде всего заинтересован в реализации проекта, региональные власти — взять под свой контроль как можно больше федеральных ресурсов, общественные организации — выполнить задачу, поставленную заказчиком. Цели общественных организаций (как правило, экологических и правозащитных) во всех проектах расходились с декларируемыми целями.

Основной их задачей было нанесение ущерба деловой репутации федерального ведомства, срыв сроков реализации инвестиционного проекта, нанесение ущерба международному престижу России, снижение ее обороноспособности и прочее. Обычно деятельность общественных организаций отвечает интересам геополитических и геоэкономических конкурентов России, которые эти организации поддерживают через систему неправительственных международных фондов. Подключение нас к инвестиционным проектам происходило на стадии, когда конфликт заходил достаточно далеко и грозил колоссальными ущербами, например, уходом инвесторов из проекта. Использование методов информационных войн всегда — и я вам подчеркиваю: без исключения — позволяло переломить обстановку в пользу заказчика, притом что противник располагал подавляющим перевесом в финансовых ресурсах. Вот некоторые примеры таких вот информационных операций изложены в наших монографиях. В настоящее время мы завершаем проект, связанный с проблемой исторического образования в средней школе. Сегодня нашим школьникам Министерство образования и науки Российской Федерации рекомендовало около сотни учебников и учебных пособий по истории. Отметим следующий факт: всего данным ведомством рекомендовано более 1200 учебников и учебных пособий, отсюда следует констатировать, что реформа образования проводится в интересах издательского бизнеса, а не государства и учащихся. Я мог бы тут это обосновать, за неимением времени не буду делать. Что касается истории, то либеральная общественность всегда поощряет авторские позиции учебников и вариантность исторического образования. Среди наших школ есть такие школы, где заведующие учебной частью рекомендуют в качестве учебного пособия книги Резуна (Виктора Суворова). Но авторских позиций в потенциале бесконечное множество. Каждая из таких позиций, доведенная до целевой аудитории, рождает ее отклик, реакцию в виде определенного поведения, эмоций, на-

строения, отношения к кому-либо, чему-либо целевой аудитории. Таким образом, манипулируя, управляя прошлым, можно оказывать воздействие на настоящее и, как следствие, управлять будущим. Это направление математической истории, которое мы называем историческим менеджментом.

Суть наших исследований заключается в следующем: мы исходим из того, что учебники истории, в частности, не могут быть объективными. Это понятно, историк получает зарплату, выполняет заказ. История всегда обслуживала и будет обслуживать интересы капитала и власти. Но если история субъективна, то она сопряжена с рисками. К возможным рискам можно отнести раскол общества по национальным, религиозным и социальным признакам. Особенно велики риски в точках разрыва исторического пространства, когда в результате революций, оккупаций или захватов происходит глубокая смена собственников. После прохождения данной точки разрыва всегда учебники истории переписываются. Важно, чтобы данный процесс осуществлялся с минимальными рисками. Дальновидный политик понимает данную проблему и пытается минимизировать риски, как это пытался сделать Сталин, исправляя ошибки радикальных большевиков, и как это пытаются сделать сейчас, исправляя радикальных либералов. Но данную задачу не решить, не воспользовавшись теорией информационных войн. В свое время коммунисты недооценили эту проблему, тем самым заложили бомбу под СССР.

Мы разработали ряд методик и методических рекомендаций, которые позволяют решить эту сложную проблему. Данная работа проводится в инициативном порядке, но мы надеемся, что ее результаты когда-нибудь будут востребованы государством. Следует отметить, что бизнес проявил большой интерес к результатам нашей деятельности. В настоящее время мы участвуем в нескольких интересных проектах крупных российских компаний. Федеральные министерства и ведомства, как отмечалось раньше, подключают нас для разрешения конфликтных

ситуаций, когда они грозят значительным ущербом. В то же время следует отметить, что теория информационных войн пока не востребована отечественными политиками. Тем не менее мы внедряем технологии информационных войн в политику. В частности, послезавтра наш профессор Цыганок проводит семинар в Украине. Последнее, что хочу сказать, мы более двух лет создаем мировую информационную сеть. Узлами данной сети являются наши соотечественники от 20 до 30 лет, выехавшие за рубеж для учебы и работы. Это интеллектуальная элита будущего, которая пока не вписывается в российскую действительность. Наша молодежь энергична, талантлива и самое главное, в отличие от первой постсоветской волны эмиграции, эти молодые люди являются патриотами России. По нашим оценкам, через 15–20 лет они займут ключевые позиции в политике и бизнесе ведущих стран мира. В нашу базу внесена информация о более чем тысяче таких специалистах, работа продолжается. Отмечу, что база поддерживается в актуальном состоянии, отслеживается карьерный рост, перемещения, изменения в семейном положении и так далее — молодых эмигрантов. Формирование сети — во многом стихийный процесс, который, тем не менее, характеризуется некоторыми закономерностями. Одна из таких закономерностей заключается в том, что в сети объединяются единомышленники — люди, обладающие общими ценностями и интересами. Системная и многолетняя работа с данной сетью должна привести в итоге к созданию эффективного механизма влияния России на мировую политику и бизнес. Кроме того, люди, объединившиеся в данную сеть, являются стратегическим резервом России, которые могут быть востребованы при реализации действительно национальных проектов. Таким образом, в настоящее время вокруг журнала «Информационные войны», на который можно, кстати, подписаться, сформировался коллектив интеллектуалов, способных решать самые сложные задачи. По проблеме защищаются кандидатские и докторские диссертации, издаются

монографии, как я говорил, которые можно купить в Интернет-магазине, при этом редакционная коллегия и коллектив авторов журнала открыты для общения и готовы к сотрудничеству. Спасибо за внимание!

ПИЛИПЕНКО Ю.В., генеральный директор Издательского дома «Собеседник», главный редактор еженедельника «Собеседник»

Я не собирался выступать, но два последних выступающих подвигли меня к этому. Я не знаю, принято ли в нашем институте вступать в дискуссию. Можно, да? Я не претендую на то, что моя реплика будет опубликована в журнале «Информационные войны», потому что не совсем согласен с тем, что последние два выступающих сказали. Я, конечно, хотел от товарища с Украины услышать следующую мысль. Я думал, что он скажет: россияне, уберите, пожалуйста, со своих каналов таких одиозных политологов, как Затулин, как Дугин, постарайтесь, чтобы Юрий Михайлович Лужков поменьше выступал по украинской проблеме, потому что, мне кажется, большего вреда, чем Затулин, Дугин и Лужков для российско-украинских отношений не принес никто. Я услышал такую замечательную речь о том, что нам надо обмениваться, приглашать на конференцию и т.д. Я также не очень согласен с Сергеем Николаевичем Бухариным, моим соседом, о том, что нельзя вести информационные войны без теории. Ну, и что? Вот грянула война в Южной Осетии. И что, нам ждать, когда вы выпустите монографию, трехтомник? Чтобы мы потом взяли, сели за эти книги и повели эти самые войны. Это же невозможно, она грянула в самый неподходящий момент, когда никто не был готов. И Путин с Медведевым да Наговицын за все это отдувались.

Я говорю о том, что в принципе не существует подготовки харизматичных, умных, толковых людей, которые могут вступить в войну или в защиту национальных интересов в любой

момент, когда только это понадобится. Я участвовал 22 года назад в дискуссиях в Чатокуа в США, и я вспоминаю это время. Конечно, много времени прошло. Была блестящая команда, которую возглавляли Евгений Примаков, Бовин, очень известные артисты, мощнейшие телевизионные журналисты. Вот мы туда поехали в Чатокуа, когда вообще еще не принято было ни с кем дискутировать и говорить. Я вспоминаю, какая была мощная, сильная подготовка людей, для того чтобы они вышли на трибуну и сказали что-то, потому что там было очень много прессы, там очень много было эфира, телевизионных камер и т.д. Это была настоящая, сильнейшая подготовка, и люди чувствовали себя уверенно. Это первое, что я хотел сказать.

У нас, мне кажется, я не знаю, по какой причине, уже упомянутый мной Затулин выступает фактически единственным человеком, который разбирается в российско-украинских отношениях. В итоге все, что он говорил, произошло с точностью до наоборот. Да, он утверждал нам три месяца о том, что никакого договора подписано быть не может в принципе — договор подписан, слава Богу, еще на десять лет, все произошло наоборот. Какой смысл в таких информационных войнах? Я не понимаю. Возможность для Затулина съездить и поиграть в теннис. Где он там играл, в аэропорту каком-то? Вот еще один раз поехать, чтобы сыграть в аэропорту. Это второе.

И, наконец, третье. Я не думаю, что, ведя информационные войны, мы должны быть слишком едины. Это единодушие меня иногда очень раздражает и утомляет, когда мы все абсолютно придерживаемся одной точки зрения. Я думаю, что не всем понравится эта позиция, но такое полнейшее единодушие во всем — оно, конечно, утомляет не только нас, но и тех, к кому обращены эти слова. Я постоянно включал канал «Вести — Россия» во время южноосетинского конфликта и, конечно, был удивлен тем, сколь бедная, хоть и по объему очень большая информация шла по этому каналу. Но почему там одни и те же люди? Почему там одна и та же информация, почему там бес-

конечно шли повторы? Неужели в России не нашлось умных, толковых людей, которые могли бы с разных точек зрения эту ситуацию обрисовать, которые бы вызвали доверие к тому, что происходит? Почему не дать слово тому же В. Кикабидзе, которого мы так поливали дружно (ну, не мы, не в нашей газете, по крайней мере, мы от этого дистанцировались), не послушать этого человека? Почему он не может выступить? Даже и не предполагает этот канал, что могут быть другие точки зрения. Мне кажется, те времена, когда мы занимались не информацией, а пропагандой, причем достаточно жесткой пропагандой наотмашь — уходят в прошлое. Иногда нам нужно думать о том, каким образом мы выглядим в глаза других людей, в глазах тех, к кому мы обращаем свою информацию. Спасибо!

МАНОЙЛО А.В., профессор кафедры международных отношений
Дипломатической академии МИД РФ

Модели информационно-психологического управления международными конфликтами

Тема международной конференции — информационные войны в современном мире — отражает одну из наиболее значимых проблем международных отношений и глобального развития. Действительно, информационные войны сегодня стали одним из важнейших факторов внешней политики. В локальных конфликтах они успешно сочетаются с вооруженной агрессией, но в отличие от последней не подпадают под запреты и ограничения международного права. Еще недавно термин «информационные войны» считался публицистическим, а сами информационные войны считались явлением, с которым Россия вряд ли когда-нибудь столкнется. Действительно, были факты проведения США и их партнерами по НАТО информационных и психологических операций против Югославии

(в том числе — вокруг проблемы Косово), в Афганистане, Ираке, организации «бархатных революций» в Украине, Грузии, странах Центральной Азии, но все это происходило вдали от российских границ и не воспринималось как непосредственная угроза российскому государству. Агрессия Грузии против Южной Осетии и начавшаяся одновременно с вторжением грузинских войск информационная война, направленная непосредственно против России, развеяла наивные представления об этой войне, развернутой Соединенными Штатами. Мы столкнулись и с тщательным планированием, и с тонким расчетом, и с применением новейших технологий психологического воздействия, к чему оказались полностью не готовыми.

Сейчас уже большинство экспертов-политологов утверждают, что информационную войну в российско-грузинском конфликте Россия проиграла. Сегодня общественное мнение на Западе видит в России не миротворца, предотвратившего геноцид гражданского населения в Южной Осетии, а нового захватчика, стремящегося к мировому господству, проводятся параллели и с Германией накануне Второй мировой войны, и с Ираком накануне нападения на Кувейт. При этом все прекрасно знают, что именно Грузия напала первая. Психологической атаке Россия на практике не смогла ничего противопоставить.

Весь удар психологической агрессии у нас в стране приняли на себя два человека: Президент и Председатель Правительства Российской Федерации. Именно они ежедневно собирали пресс-конференции, делали заявления, комментировали события. В ходе этого противостояния наблюдалась следующая картина: со стороны Запада в информационной войне действовала система, силы специальных психологических операций, с нашей стороны — два человека; со стороны Запада применялись технологии, с нашей стороны — удачные импровизации; Запад применял многоходовые оперативные комбинации, заготовленные заранее, мы же на них отвечали реагированием «по факту». Вызывает огромное уважение мужество и стойкость руко-

водителей нашей страны, которые в критический момент спасли государство от полного поражения в психологической войне, в том числе и на внутреннем фронте. Однако вызывает недоумение, где все это время был колоссальный государственный аппарат, ведающий вопросами информационной безопасности, в прямые обязанности которого входит ведение информационного противоборства. Не говоря уже о том, что всю ситуацию с информационной войной в Южной Осетии можно было просчитать заранее.

Все это рельефно высвечивает системный кризис, который происходит сейчас в структурах государственной власти, взявших на себя функции ведения информационного противоборства: их взгляды и концепции до сих пор не выходят за рамки борьбы с хакерами и защиты компьютерных сетей. Нельзя не согласиться с мнением участника нашей конференции — И.Н. Панарина, сказавшего, что ныне действующая концепция информационной безопасности с момента ее принятия в 2000 году так и не получила дальнейшего развития. Во многом это связано с тем, что сегодня этими структурами создан «санитарный кордон» для любых новых идей и концепций. Не случайно один из представителей этой команды, руководитель Учебно-консультативного центра МИД РФ А.И. Смирнов, недавно заявил, что все, что касается информационного противоборства, в нашей стране должно быть только секретным.

Такая позиция обрекает Россию на катастрофическое отставание в этой сфере и, как следствие, делает ее беззащитной перед внешней агрессией. Урок с Южной Осетией может еще не раз повториться, только уже на примере российского Северного Кавказа. Между тем весь мир активно применяет технологии психологического воздействия на стороны конфликта.

Несмотря на завершение эпохи глобального противостояния, в современном мире общее количество международных и внутренних конфликтов не только не сокращается, но продолжает нарастать, возникают новые их формы (этнополити-

ческие, религиозные), мало подверженные стабилизирующему воздействию традиционных инструментов дипломатии. Международные конфликты стали одним из ведущих факторов нестабильности в мире.

На передний план выходят региональные конфликты, характеризующиеся высокой интенсивностью, широким применением средств прямой вооруженной агрессии и способностью вовлекать в свою сферу соседние регионы. По признанию западных политологов, в международных конфликтах в силу возрастания значения субъективного фактора, выражающегося в стремлении ряда политических деятелей рисковать, жить в состоянии перманентного кризиса, сегодня даже «малые войны» перерастают в крупномасштабные столкновения¹.

Деятельность США, их партнеров (НАТО) по «силовому умиротворению» и «принуждению к демократии» в различных регионах мира не только не устраняет первопричины протекающих там политических конфликтов, но во многих случаях приводит к их эскалации и переходу на новый, более масштабный, уровень. Так, политический конфликт в Ираке, ставший новым импульсом для обострения этнических и религиозных столкновений между суннитами и шиитами, арабами и курдами, способен вовлечь в затяжной вооруженный конфликт фактически весь Ближний Восток. Конфликты на Балканах, в Косово не только привели к возникновению в самом центре Европы крупнейшего моноэтнического анклава с населением, принадлежащим к иной культурной традиции, но и стали для международных экстремистов плацдармом для развертывания дальнейшей внешней экспансии (вторжение «УЧК» в Македонию).

Часто региональные конфликты специально инициируются в районах, имеющих стратегическое экономическое или военное значение для того, чтобы под видом миротворчества обеспечить там свое военное и политическое присутствие. Прямой

¹ Тоффлер Э., Тоффлер Х. Война и антивоина. М., 2005. С. 364.

результат такой деятельности — опасный прецедент с признанием независимости Косово; курс на формирование в этом анклавном новом военно-политическом субъекте международных отношений (так называемого «НАТО-государства») создает плацдарм и поводы для новых «гуманитарных интервенций».

Наряду с обострением традиционных форм и методов политического соперничества, в международных отношениях все большее значение играет этнический фактор: в современных конфликтах центральной проблемой становится утверждение национальной идентичности. Этнополитические конфликты в условиях национального самоопределения во многом утрачивают черты «конфликта интересов» и становятся «конфликтами ценностей», природа которых и способы разрешения сегодня практически не познаны.

Политическое урегулирование конфликтов, то есть нахождение взаимоприемлемого согласия между участниками конфликта политическим путем, при помощи переговоров, политических технологий и процедур, сегодня является важнейшей задачей современной конфликтологии и политической науки вообще. «Технология мирного урегулирования конфликтов приобретает особое значение в современных условиях, становясь главным фактором сохранения и развития человеческой цивилизации»². Поиск и разработка технологий политического разрешения конфликтов строится на выявлении совпадающих интересов и признании ценностей всеми конфликтующими сторонами, что позволяет разрешать конфликты мирными средствами. Сравнительный анализ таких интересов и ценностей позволяет дать прогноз возникновения и развития конфликта, определить эффективные методы его урегулирования, предотвратить насильственные формы дальнейшего развития. Поиск совпадающих интересов и применение оптимальных тех-

² Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. М., 1999. С.8.

нологий урегулирования современных конфликтов — это качественно новый уровень владения инструментами современной дипломатии.

Важную роль в технологиях урегулирования конфликтов играет информационно-психологическое воздействие. Так, разрешение этнополитических «конфликтов ценностей» не может быть найдено исключительно в сфере материальных интересов. Во многих районах совместного проживания межэтнические противоречия формировались, накапливались и сохранялись в сознании населения веками и настолько глубоко проникли в историческую память, что их политическая активация у людей нередко проявляется в форме неосознанных, ментально-архетипных, интуитивно-подсознательных действий, зачастую не подверженных воздействию разума и логики — категорий, которыми оперирует сознание. В этих условиях обычные методы социально-политического воздействия на конфликтную ситуацию малоэффективны: этническое подсознание их не воспринимает. Решение этой проблемы требует поиска новых инструментов, способных оказывать стабилизирующее воздействие на сознание и подсознание населения в зонах конфликтов, а также новых, информационно-психологических, технологий управления политическими процессами.

Международная деятельность по урегулированию конфликтов сегодня переживает системный кризис, выражающийся в неудачных попытках их мирного разрешения: большинство из современных конфликтов в результате внешнего вмешательства в лучшем случае переходит в «замороженную» фазу. Сложившаяся ситуация требует не только поиска новых подходов и способов воздействия на конфликты, но и формирования новых парадигм управления ими. Не случайно в этой связи российские международники, в частности А.В. Торкунов, указывают на необходимость обновления методологии общественно-научных исследований, создания «новой методологической парадигмы», в которой достойное место должна занять социальная

психология и «управление процессами восприятия человеком жизненной реальности, управление рефлексией»³. В настоящее время многократно повышается значимость информационно-психологических технологий в управлении современными конфликтами как реальной альтернативы силовым методам.

Кроме того, в результате стремительного развития новых политических технологий, основанных на парадигме информационного превосходства, в современных политических конфликтах возникла и оформилась новая стадия, — информационно-психологическая война (ИПВ), занимающая промежуточную ступень между стадией переговоров и вооруженным столкновением и являющаяся в конфликте «поворотной точкой» — от мирной фазы к военной. Возникновение такой ступени создает новые возможности для управления конфликтами, в том числе в целях их урегулирования или разрешения. Так как сегодня в системе международного права нет механизмов, ограничивающих применение технологий психологической войны, поиск новых эффективных способов, методов и технологий стабилизирующего воздействия на конфликт, находящийся в фазе ИПВ, выдвигается на передний план современной миротворческой деятельности.

Россия сегодня принимает активное участие в урегулировании большинства международных конфликтов практически по всему миру. При этом Россия строго придерживается базовых принципов ООН, определяющих приоритетность урегулирования конфликтов мирными средствами. Кроме того, Россия имеет обширный и разнообразный опыт миротворческой деятельности на пространстве СНГ (в Абхазии, Южной Осетии, Приднестровье и т.д.), в которой российские миротворцы напрямую выполняли функции «принуждения к миру». Сегодня при планировании и проведении миротворческих операций нельзя не учитывать тот факт, что в условиях информационной

³ Независимая газета, 7.12.2007.

открытости и доступности целевых аудиторий для управляющего психологического воздействия мощнейшим инструментом «принуждения к миру» становятся технологии формирования общественного мнения, способного подтолкнуть конфликтующие стороны к сближению на основе мирного переговорного процесса.

В этих условиях России жизненно необходима выверенная информационная политика, которая в части, касающейся миротворческой деятельности, должна опираться на собственную национальную модель мирного урегулирования и разрешения современных конфликтов. Важно принять во внимание высокий исторически сложившийся международный авторитет России в зонах, где сейчас происходят наиболее острые конфликты: на Балканах, в арабском мире, в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в Африке и Латинской Америке. В этих обстоятельствах технологии психологического воздействия на массовое сознание населения в зонах конфликтов и вне их становятся для нас реальным эффективным инструментарием мирного воздействия на конфликтные ситуации с целью их стабилизации и разрешения, без риска оказаться втянутыми в вооруженную конфронтацию.

Между тем эта политическая ниша сегодня практически полностью занята моделями и технологиями информационно-психологического управления конфликтами, которые предложены представителями четырех основных мировых цивилизаций: англо-саксонской (США, Великобритания), романо-германской (Западная Европа и прежде всего — Германия и Франция), ближневосточной (исламский мир) и восточноазиатской (Китай, Япония, Вьетнам и т.д.). Все эти модели эффективно работают в зонах конфликтов, не вступая во взаимные противоречия, а во многом и дополняя друг друга. В этих условиях у России, находящейся на пересечении интересов англосаксонской, восточноазиатской, ближневосточной и западноевропейской политики, в целях формирования собственного политическо-

го взгляда на формы и способы мирного разрешения современных конфликтов есть две возможности: либо — следовать одной из уже существующих моделей, либо — искать собственный путь, сочетая в национальной политике сильные стороны основных моделей и, по возможности, избегая их недостатков. В политическом руководстве страны сегодня все более убедительно звучит мнение о том, что слепое следование зарубежным шаблонам для России неприемлемо, что только собственная модель урегулирования конфликтов позволит занять России достойное место в мире. Россия сегодня стоит перед проблемой выработки своей модели, основанной на национальных технологиях информационно-психологического воздействия.

Наметим теперь некоторые подходы к решению сформулированной выше проблемы.

1. Изучение мировой практики использования информационно-психологических технологий позволяет сделать вывод, что они становятся важным фактором воздействия на ход развития и разрешения международных конфликтов. Очевидно большое разнообразие современных конфликтов, их типология обширна и не является универсальной. Разнообразие типов конфликтов с необходимостью требует разнообразия технологических приемов, инструментов по их разрешению. Информационно-психологическое воздействие на разрешение конфликтов также разнообразно, в нем выделяются различные технологии, приемы, методы, которые исходят из анализа конкретной ситуации.

2. Следует выделить пять основных подходов к исследованию роли и места информационно-психологических технологий в разрешении современных конфликтов: медиа-коммукативный, конфликтологический, информационно-политический, системно-функциональный и этноконфликтологический. В рамках этих подходов с точки зрения фактора информационно-психологического воздействия на конфликтную ситуацию в России активно рассматриваются и внедряются в практику методики

и технологии медиа-коммуникативного и информационно-политического управления конфликтной ситуацией. Появились фундаментальные этноконфликтологические работы (А.Р. Аклаев). Однако в них при анализе стратегии управления этнополитическими конфликтами не уделяется должного внимания информационно-психологическому воздействию.

3. Технологии информационно-психологического воздействия на конфликты на практике сводятся к двум направлениям: агрессивному воздействию в форме информационно-психологической войны и «мягким» технологиям психологического управления конфликтной ситуацией. Если технологии первого направления преследуют цели подготовки и переход к вооруженной стадии конфликта, то вторые, «мягкие» технологии направлены на поиск его мирного разрешения.

Использование «жесткого» либо «мягкого» набора технологий информационно-психологического воздействия осуществляется с учетом конкретной ситуации и общей международной обстановки. Так, «мягкие» «бархатные революции» в странах СНГ предполагают наличие и учет внутривнутриполитических условий их реализации (внутриполитическая нестабильность), тогда как «жесткие» операции в Афганистане и Ираке предусматривают формирование в массовом сознании международной общественности специальных политических мифов: персонифицированных образов «международного терроризма» (образ «Бен Ладена»), «всеобщей угрозы миру» («наличие в стране оружия массового уничтожения»), имеющих глобальные масштабы и последствия.

4. При огромном разнообразии форм и проявлений конфликтных ситуаций трудно выбрать оптимальную модель применения информационно-психологических технологий. Серьезным заблуждением в практике применения информационно-психологического воздействия являются попытки применения одних и тех же методов без учета национальных и культурно-цивилизационных различий объектов воздействия. Технологии, успешно воздействующие на одну культурно-цивилизационную

среду, европейское общественное мнение, могут оказаться неэффективными, даже вызвать обратный результат в арабской, мусульманской общественной среде. Международное право, заключенные соглашения, такие как Женевская конвенция 1949 года и дополнительные протоколы к ним 1977 года о вооруженных конфликтах, также ставят правовые пределы использования информационно-психологических технологий в конфликтных ситуациях.

5. Изучение мировой практики успешного применения информационно-психологического воздействия на общественное мнение позволяет утверждать, что в современном мире исторически сформировались и действуют четыре основных модели информационно-психологического регулирования конфликтов, которые успешно применяются в соответствующих культурно-цивилизационных ареалах: англосаксонская, восточноазиатская, ближневосточная и романо-германская. Все они эффективно работают в зонах международных конфликтов, нередко дополняя друг друга. Разумеется, в мире существуют, формируются и национально-государственные модели и особенности применения способов и методов информационно-психологического воздействия, а также — континентальные особенности, например, африканская специфика, либо латиноамериканская, которые также не следует игнорировать, но они заслуживают отдельного рассмотрения.

6. Англосаксонская модель видит разрешение конфликтов в полной, принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон, точнее своего оппонента, который должен принять политические нормы и стандарты англосаксонской цивилизации («демократические институты»). Традиционно ангlosаксы используют при этом как методы силового давления («силовое умиротворение», «гуманитарные интервенции», «борьба с международным терроризмом»), так и методы несилового воздействия («мягкая сила», «бархатные революции», «психологическая война»). Англосаксонская мо-

дель базируется на протестантском мировоззрении и этике успешности, полезности конечного результата.

7. Восточноазиатская модель исходит из цели разрешения конфликтной ситуации в постепенном, длительном встраивании (интеграции) политических систем и ценностей конфликтующих сторон, оппонентов в собственную систему политических отношений (например, тайваньская проблема, «возвращение» Гонконга: «одна страна — две системы»), постепенно растворяя в своей системе национальную идентичность политически более слабых участников. Известно исчезновение целых народов, этнических групп в Китае в результате длительной ассимиляции (манчжуры, динлины — таштыкская культура и другие «варвары»⁴).

8. Ближневосточная (исламская) модель видит процесс разрешения конфликтов в переносе, проекции исторически сложившихся в исламе традиционных механизмов регулирования социально-политических отношений на зоны конфликтов, в том числе за счет расширения ареала исламского мира и распространения влияния исламской идеологии. Деление мира по религиозному принципу возрождает дух религиозных войн, джихада, который включает в себя как мирные средства регулирования международных конфликтов, так и вооруженную борьбу за веру. В шиитской ветви ислама, господствующей в Иране, отсутствуют призывы к джихаду против «неверных», более того, лидеры этой страны высказывают предложения о межкультурном диалоге⁵, выступают за поиск взаимопонимания между христианскими и мусульманскими странами и народами не путем взаимного отрицания ценностных установок, а путем заимствования (обмена) культурных и технологических достижений.

⁴ Крюков М.В., Переломов Л.С., Софронов М.В., Чебоксаров Н.П. Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С.63.

⁵ Хатами М. Ислам, диалог и гражданское общество. М., 2001. С.141.

9. Романо-германская модель, основанная на своей цивилизационной, политической этике, по мнению ряда авторов, отягощена стереотипами, набором «общепринятых» или общеобязательных этических представлений, не всегда совпадающих с представлениями других цивилизаций. Поэтому, например, трудны диалоги как французов, так и немцев с китайцами, «форумы есть, а диалога не получается»⁶. В этой связи романо-германская, или западноевропейская, модель исходит из того, что процесс разрешения конфликтной ситуации заключается в изменении взглядов его участников преимущественно принятием устоявшихся в этой цивилизации господствующих этических норм и стереотипов. Эта модель психологического воздействия на конфликты не ставит задачу путем прямого вмешательства изменить политические системы его участников. В ней закладывается стремление к управлению сознанием политических элит, стоящих у власти в государствах-участниках конфликта, а также сознанием различных слоев местного населения и международной общественности. Тем самым побуждает их воспринимать конфликт в соответствии с предлагаемым образом конфликта, то есть смотреть на конфликт глазами европейского сообщества.

10. Англосаксонская модель реализуется в политике в виде проводимых США и их союзниками психологических операций, в которых применение прямой вооруженной силы рассматривается в качестве сервиса по отношению к технологиям информационно-психологического управления массовым и индивидуальным сознанием населения как непосредственно в зонах международных конфликтов, так и вне их. Модель такой операции состоит из следующей последовательности фаз: политической стратификации общества, политической поляризации страт, контролируемой поведенческой реакции (на базе известных в психологии техник «якорения») и психологиче-

⁶ Королев С.И. Этническая психология: методика изучения и методика использования. М., 2007. С.184.

ской коррекции политического поведения групп населения и целевых аудиторий, основанной на принципе обратной связи.

Использование психологических «якорных» техник становится особенно опасным в условиях этнополитических конфликтов. Многие разновидности массовых психологических состояний, сформировавшихся в течение исторического периода развития национального самосознания, включая состояния пограничные и агрессивные, уже заложены в этнической памяти и практически в неизменном виде, неосознанно (то есть на уровне коллективного подсознания) передаются из поколения в поколение. Их не нужно специально формировать под конкретную психологическую операцию. Исторические механизмы инициации этих состояний, которые не один раз были использованы в исторической практике межнациональных конфликтов, также известны. Для того чтобы «переключить» население какого-либо этнического анклава из психологического состояния мирного добрососедства в состояние немотивированной агрессии, достаточно лишь незначительно адаптировать формат психологического импульса, инициирующего психологический механизм «переключения состояний», характерных для данного этноса, к современным условиям.

11. У России есть богатый опыт урегулирования международных и внутренних конфликтов, который требует обобщения. На международной арене в конфликтных ситуациях внешняя политика России направлена на урегулирование конфликтов в рамках международных и региональных организаций, а также их предотвращение. В этой деятельности Россия использует арсенал информационно-психологического воздействия на мировое общественное мнение и на конфликтующие стороны, а также в отношении своих оппонентов. Российская практика урегулирования конфликтов ставит вопрос о выработке национальной модели мирного воздействия на конфликтные ситуации, основанной на собственных информационно-психологических технологиях.

12. В качестве очевидного преимущества использования в российской практике уже существующих и апробированных на конкретных конфликтах мировых моделей можно указать, что за ними стоит значительный практический опыт, действенность, предсказуемость результатов. Общность взглядов на формы и методы воздействия на конфликтные ситуации в мире не могут не способствовать сближению России с одним из полюсов мировой политики, стоящим за каждой из моделей. Однако слепое следование зарубежным шаблонам для России несет объективную опасность ее государственности, только собственная модель мирного урегулирования конфликтов позволит занять России достойное место в мире.

13. Следуя англосаксонской модели, Россия при разрешении конфликтов будет вынуждена исходить из необходимости принудительной трансформации политических систем конфликтующих сторон под стандарты стран «развитой демократии». В этом содержится опасность попадания в долгосрочную политическую зависимость. Не обладая сравнимой с США или НАТО военной мощью, Россия вряд ли сможет в ближайшей перспективе действительно «принуждать к миру», а участие на вторых ролях в создаваемых США «волевых коалициях» способно понизить ее международную значимость, превратить в мишень для различных противников США, сформировать образ агрессора. Однако практика психологических операций США по формированию мирового общественного мнения, создания международных коалиций и сплочения союзников, а также по психологической поддержке действий вооруженных сил и миротворческих миссий заслуживает объективной оценки и тщательного изучения.

14. При рассмотрении возможностей использования Россией в ее политике восточноазиатской модели важно иметь в виду следующее. Россия сегодня не обладает совокупным экономическим и политическим потенциалом, достаточным для того, чтобы проводить в отношении конфликтных регионов

и политических систем конфликтующих сторон курс, направленный на постепенную интеграцию политических систем участников конфликта в рамках собственной системы, с перспективой поглощения национальной идентичности политически более слабых участников конфликта. Вместе с тем, восточно-азиатская модель базируется на традиции, общей исторической судьбе народов. Силовое внедрение либеральных ценностей и методов решения конфликтов на базе «демократических прав» на Востоке встречает психологическое неприятие, вызывает отторжение. Привычные, наработанные столетиями методы и формы взаимодействия народов, в частности на евразийском пространстве СНГ, культурно-цивилизационный синтез, с учетом его азиатской составляющей, успешно себя проявили при урегулировании конфликта в Таджикистане, а также при разрешении «цветных революций» в Кыргызстане, ликвидации мятежных выступлений исламских экстремистов в Узбекистане.

Для России восточноазиатская модель не универсальна, но она успешно работает на локальном уровне, в странах Центральной Азии, с господствующей азиатской культурой и традициями. Россия на этом пространстве выступает не в одиночку, а со своими азиатскими партнерами, прежде всего с Китаем и странами Центральной Азии в рамках ШОС, носителями этой модели.

15. Романо-германская модель психологического воздействия на современные конфликты близка российской практике. В ней в качестве объекта управления выбирается восприятие конфликта вовлеченными в него сторонами, посредниками и международным общественным мнением в целом, что исключает необходимость применения по отношению к участникам конфликта прямого силового давления и, как следствие, минимизирует риск произвольного вмешательства во внутренние дела конфликтующих сторон. Обладая различным инструментарием психологического воздействия на конфликты, Россия может учитывать и в полной мере использовать накопленный западноевропейскими странами опыт по управлению

восприятием образа конфликта различными его участниками и внешними наблюдателями.

К недостаткам этой модели, которые могут проявиться в российских условиях, относятся следующие. Прежде всего, в европейской модели воздействия на конфликты есть значительный элемент созерцательности и тактики уклонения от непосредственного вмешательства в сферу конфликта, если это сопряжено с экономическими или иными потерями. Далее, технологии политического маркетинга максимально эффективны только в культурной среде западной цивилизации, в условиях общества потребления, которое даже современного политика способна превратить в «продукт потребления». В условиях этнополитических конфликтов они не всегда приводят к ожидаемым результатам. Традиционная психология этнических групп, проживающих анклавами внутри ареала других народов (албанцы в Косово, африканцы во Франции, мусульманские эмигранты в Великобритании и др.), сильно отличается от европейской. По этой причине рекламно-коммуникационные приемы политического маркетинга, рассчитанные на известные и предсказуемые опорные реакции европейского и американского электората, остаются ими непонятыми либо вызывают негативную реакцию.

16. Теория и практика противодействия информационно-психологическим атакам ведет к конфронтации, психологической войне, способной при определенных обстоятельствах перерасти в силовые акции. В данном случае необходимо, не отвергая практики противодействия, учитывать те правовые, политические, морально-этические и иные пределы нагнетания напряженности, когда дальнейшее ее нарастание теряет смысл либо обращается негативными последствиями. Проблема заключается в поиске адекватного информационного ответа.

17. Теория и практика управления конфликтами с помощью информационно-психологического воздействия позволяет достигать политических целей, не нарушая существующей обще-

ственной стабильности, избегать вооруженного противоборства. Управление информационными потоками в конфликтных ситуациях приобретает самостоятельное институциональное значение, при этом острота противоборства перемещается в иную сферу, менее опасную для соперничества.

ЗАВЬЯЛОВ О.Ю., научный сотрудник Института проблем управления им. В.А. Трапезникова РАН

Проект создания информационной государственной корпорации

В настоящее время перед Россией остро стоит проблема отражения информационной агрессии со стороны ее геополитических конкурентов. Нарастает вероятность вооруженных конфликтов, в которые напрямую или косвенно может быть вовлечена Российская Федерация. Информационное воздействие рассматривается большинством ведущих стран мира в качестве эффективного и универсального средства достижения внешнеполитических целей. Отсутствие норм международного и национального права, дающих юридическую квалификацию особо опасных агрессивных акций (мероприятий, операций) информационно-психологического воздействия и препятствующих развязыванию такой агрессии в отношении других государств, позволяет использовать арсенал сил и средств информационной агрессии как в военное, так и в мирное время.

Сегодня, когда телевидение, интернет и СМИ стали действительно «массово доступны», значительная часть населения развитых стран мира всецело зависят от них и именно на их основе формируют свое мнение и отношение к тем или иным событиям. Это общеизвестный факт, за которым, впрочем, кроется факт иной — незаметный: эти люди составляют основной «костяк» избирателей в таких странах и принадлежат к тем, кто принимает или готовит основные решения. Последние же при-

нимаются как раз на основе полученной информации и сформированного отношения к тем или иным событиям.

Кроме обычной войны — с применением вооруженных сил, сегодня на первый план выходит война иного рода — информационная. Под информационной войной понимается комплекс мер по информационному воздействию или противодействию заинтересованных лиц с целью овладения капиталом и властью или защитой своих интересов в заданном регионе. Зачастую именно результат информационной войны во многом определяет исход вооруженных конфликтов и эффективность применения оружия. Действия участников информационного противоборства могут носить наступательный или оборонительный характер. Важным фактором выявления, предупреждения и пресечения внешней информационной агрессии является применение комплексных мер в условиях непосредственной угрозы войны или на этапе реализации противником своих агрессивных намерений. Кроме того, необходимо использование для пресечения внезапной агрессии сил и средств быстрого реагирования.

Информационная война имеет ряд характерных свойств и особенностей:

- отсутствуют четкие границы театра войны, поскольку воздействие может осуществляться как на территории объекта, против которого она развернута, так и на внешних территориях с целью усиления информационного воздействия;
- затруднительна оценка результатов, поскольку сложно выполнить анализ показателей достижимости целей войны;
- победа в информационном противоборстве никогда не бывает окончательной. Отсутствует точка завершенности войны вследствие того, что трудно определить факт окончания противоборства. Победитель может постоянно подвергаться агрессии как со стороны поверженного противника, так и набирающих силу новых вражеских структур. Поэтому необходимо постоянно оказывать информационное противо-

действие противникам, так как в противном случае успех окажется временным.

К настоящему времени сила и диапазон возможностей информационного оружия стали настолько высоки, что имеются прецеденты достижения победы в операциях или конфликтах только за счет его использования, без применения традиционных средств вооруженной борьбы.

Требуют пристального исследования последствия вовлечения особых субъектов информационного пространства (средств массовой информации, транснациональных информационно-телекоммуникационных корпораций и виртуальных социальных (сетевых) сообществ) в информационное противоборство на стороне различных участников конфликта.

Наблюдаемые в последние годы тенденции в развитии информационных технологий могут уже в недалеком будущем привести к появлению качественно новых информационных форм борьбы, в том числе и на межгосударственном уровне, а сама информационная война станет одним из основных инструментов внешней политики, включая защиту государственных интересов и реализацию любых форм агрессии.

Важное место системы органов государственной власти в информационном противоборстве не подвергается сомнению. Однако при разработке положений государственной информационной политики следует учитывать, что система органов государственной власти присутствует в информационной сфере не в явном виде, а в форме «электронного правительства», что во многом определяет набор форм и методов воздействия, оказываемого государством в целях регулирования внутригосударственных и международных отношений в информационной сфере. Для определения концепции информационной политики в условиях информационной войны необходимо исследовать вопрос, какие дополнительные возможности для организации противодействия информационным операциям дает та или иная форма интеграции государственной власти в информационное общество.

Задача опережающего развития управления информационными потоками со стороны России, применения перспективных разработок в данной области, а также проблема рационального использования информационных ресурсов диктуют необходимость освоения и использования новых инструментов государственной политики.

Основой для формирования государственной политики в области обеспечения информационной безопасности служит Доктрина информационной безопасности РФ от 9 сентября 2000 года, в рамках которой предлагается создание информационной государственной корпорации.

Создание информационной государственной корпорации (далее — Корпорация) позволит реализовать государственную политику в сфере контроля и управления информационными потоками.

Цели Корпорации:

- развитие инновационной инфраструктуры в сфере информационного обеспечения на государственном и мировом уровне;
- оценка рисков и разработка мер по оказанию эффективного противодействия информационной агрессии;
- обеспечение достоверности информационных сообщений как внутри страны, так и за ее пределами;
- формирование стратегии издательской и вещательной политики СМИ;
- поднятие международного престижа государства и формирование его имиджа.

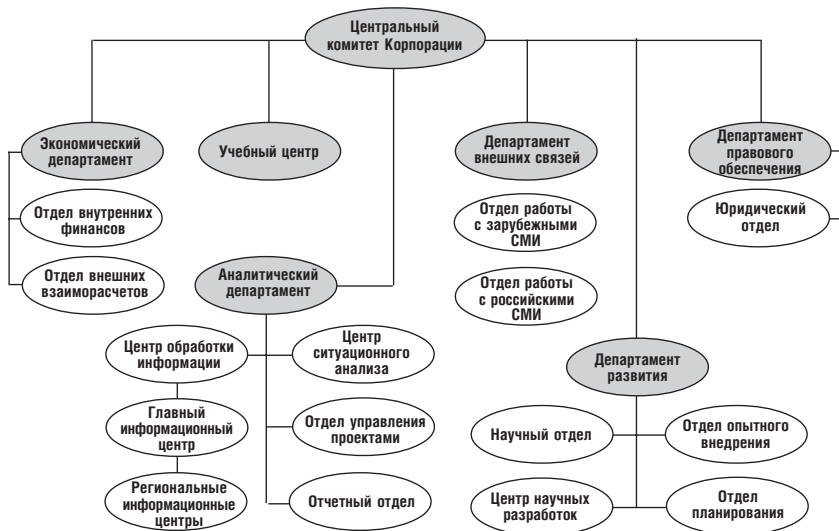
Исходя из поставленных целей, определяются основные задачи Корпорации:

- формирование международной информационной сети, предоставляющей условия для влияния на политику ведущих стран мира;
- взаимодействие со средствами массовой информации различных государств;

- создание информационных центров в регионах и странах, определенных приоритетами государственного развития;
- отслеживание и координация распространения информации в сети интернет;
- информационное обеспечение деятельности государственных органов власти;
- анализ и выработка предложений в рамках обеспечения информацией различных целевых аудиторий;
- разработка предложений по проектам нормативно-правовых документов в области информационной безопасности;
- обучение специалистов методам и технологиям информационного взаимодействия.

Корпорация будет уделять должное внимание по всем направлениям своей деятельности, учитывая взаимосвязь между ними.

На рисунке показана организационная структура Корпорации:



Заклучительное слово С.М. МИРОНОВА

Искреннее спасибо всем, кто принял наше приглашение и принял участие в нашей международной конференции. Скажу свое личное мнение. Мне было очень интересно. Многие выступления были просто блестящими. Самое главное, были новые идеи. Я получил не только большую пищу для размышлений, но и некую теоретическую платформу для дальнейшей, надеюсь, совместной работы. Должен сказать, с не меньшим удовольствием, несмотря на то, что я всех внимательно слушал, я поработаю потом с карандашом в руках над материалами конференции, так как действительно было высказано много интересных новаций, оценок, перспективных идей. Уверен, что, во-первых, мы работу в рамках этой темы продолжим, в том числе и на площадке нашего института «Справедливый мир». В ближайшее время мы будем готовить новые круглые столы и конференции, в том числе международные, по самым разным темам и направлениям. Надеюсь, что большинство из вас, кто принял участие в сегодняшней конференции, с удовольствием примут участие в нашей дальнейшей совместной работе. Поздравляю всех нас с замечательной презентацией нового института «Справедливый мир», который, я уверен, станет популярной площадкой не только в Москве и России, но и за ее пределами благодаря нашим совместным усилиям. Большое спасибо, коллеги, благодарю за совместную работу и до новых встреч!

Массово-политическое издание

**ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

Материалы международной конференции
Москва, 2 октября 2008 года

Ответственный редактор В. Н. Шевченко

Корректор Е. Н. Альчикова
Компьютерная верстка И. Ф. Русак

Подписано в печать 10.12.2008.
Формат 60х84/16. Усл. печ. л. 6.
Тираж 2000 экз.